

КОЛОКОЛЬЧИКИ ПАПАГЕНО

ЛЕОНИД БЕЖИН

Городская проза

Леонид Бежин

Колокольчики Папагено

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я44

Бежин Л. Е.

Колокольчики Папагено / Л. Е. Бежин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-119473-4

Все рассказы и повести Леонида Бежина остро современны, выхвачены из нынешней жизни со всей ее экзотикой и фантасмагорией. В основе концепции сборника – современный сюжетный рассказ. Это заметно уже по первому рассказу «Колокольчики Папагено» с его новеллистической концовкой. Такая же неожиданная концовка у рассказа «Слезки» (притворные слезки оборачиваются горькими слезами). А рассказ «Фил и Фоб» – сатирическая притча о столкновении современных филов и фобов...

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)я44

ISBN 978-5-17-119473-4

© Бежин Л. Е., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Повести	5
Нулевой урок, или Закат Европы	5
Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	7
Глава четвертая	8
Глава пятая	10
Глава шестая	11
Глава седьмая	12
Глава восьмая	14
Глава девятая	15
Глава десятая	16
Глава одиннадцатая	18
Глава двенадцатая	19
Глава тринадцатая	21
Глава четырнадцатая	23
Глава пятнадцатая	24
Глава шестнадцатая	25
Глава семнадцатая	26
Глава восемнадцатая	27
Глава девятнадцатая	29
Глава двадцатая	31
Глава двадцать первая	31
Глава двадцать вторая	33
Глава двадцать третья	34
Глава двадцать четвертая	35
Наталья, Наталия и Натали	36
Фил и Фоб	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Леонид Бежин

Колокольчики Папагено

Повести

Нулевой урок, или Закат Европы

Сенсацией для всего Бирюлева и его живописных окрестностей (включая Чертаново) стало то, что Жанна Терехина вышла замуж за тайского принца. Все сошлись во мнении, что такого в здешних краях еще не бывало: вот уж поистине судьба вознесла и благодетельствовала. Правда, на памяти местных жителей был один случай, когда Бирюлево породнилось таким же образом с Арабскими Эмиратами. Впрочем, таким да не таким, поскольку Эмираты выставили в женихи миллиардера, тоже поднявшегося из низов и разбогатевшего на продаже нефтяных насосов, а тут как-никак принц. Голубая кровь. И зовут его Ниронг (имя, по звучности сопоставимое с самим Нородомом Сиануком).

Естественно, что никому ранее неизвестная Жанна сразу стала здешней знаменитостью. Конечно, все мечтали хотя бы издали, одним глазком на нее посмотреть, но тут уж как повезет. Дом же – грязно-серая двадцатипятиэтажная вавилонская башня, где обитала Жанна, стал местом паломничества. Спорили только, с какой стороны девятого этажа ее окна, с правой или левой. Подобострастно расспрашивали соседей: «Неужели такая красавица, что даже принцу глянулась?» И соседи авторитетно заверяли, что и впрямь красавица писаная, небывалая, ослепительная.

Но это явное преувеличение (не в красоте были достоинства невесты) – так же, как и слухи о золотом дожде, пролившемся на Жанну. Конечно, принц Ниронг ничего не жалел для любимой жены и тратился на нее сполна. Но все-таки страна его из бедненьких, и королевский двор за последнее время поиздержался. Да и коррупция, словно древесный червь, казну подтачивает: тут даже при голубой крови с Эмиратами не потягаешься.

Но это еще не все. Знающие люди утверждали, что принц сам по себе фигура не столь значительная, второстепенная по сравнению с неким бездомным, с которым Жанна была знакома до него и тоже собиралась замуж. Вот его-то называли человеком необыкновенным, загадочным – в отличие от принца. Его высочество, хотя и намекали на некие свои заслуги в прежних жизнях, не сподобились снискать особой славы и благоговейного поклонения у современников. Во всяком случае, никто не падал ниц, чтобы поцеловать ему туфлю. Да и сам он по легкомыслию подчас приравнивал свою голубую кровь к коллекции редких марок (принц был заядлый собиратель) или старинных ружей, хранившихся под замком в застекленных шкафах.

Вот, собственно, и все, чем он мог похвастаться, хотя учился не только в Москве, где и познакомился с Жанной, но и в Гарварде (видно, многому там не выучился, да особо и не утруждал себя учением). Упомянутый же бомж был оригиналом, имел богатую биографию, слыл мудрецом, философом, и ему – если воспользоваться выражением одного глубокого ума – приходили мысли, которые редко кому приходят в голову.

Словом, там была своя история... история странная, необычная, во многом захватывающая, даже феерическая, хотя сенсацией ни для Бирюлева, ни для Чертанова, ни для всей Москвы она не стала. Но оно, пожалуй, и к лучшему. Сенсации нынче дешевеют, а то и вовсе обесцениваются, становятся отбросами, никому не нужным мусором. Поэтому хочется чего-то иного, нездешнего, не из мусорного ящика, не из плевательницы с мокротой и гнойной жижей

(прошу прощения за излишний натурализм), а оттуда, где зыбится небесный струящийся свет и сияет сквозь облака голубая лазурь.

Глава первая

Жанна, на которую не тратили деньги

Самолюбие и гордость Жанны Терехиной всегда страдали, если мужчина не тратил на нее деньги. Впрочем, не настолько уж она была самолюбива и не столь горда, но вот по части страданий и обид любую могла переплюнуть. Иногда даже ставила перед собой мутный штоф и запивала с горя, и все потому, что кто-то пожалел копейки, чтобы ее порадовать и осчастливить, и тем самым обидел, даже оскорбил, нанес ей глубокую сердечную рану.

При этом Жанна охотно принимала от мужчин знаки внимания, комплименты («красивые слова», как она их называла). Принимала, хотя и снисходительно, целование ручек и пальчиков, гусарские расшаркивания, восторги из-за того, как она выглядит и одевается, какая у нее походка (а при ее длинных ногах и высоких платформах походка у нее, по словам одной из подруг, была рельефной и экспрессивной). Но при этом ждала – терпеливо выжидала, словно охотник в засаде, – когда же начнется главное и ее новый мужчина наконец раскошелится и на нее потратится. Принесет хотя бы пустяк, но непременно покупной, из магазина, упакованный в коробку, перевязанный лентой, с тщательно затертой ценой.

Если этого не происходило, Жанна притормаживала, и для нее на светофоре загорался желтый (она развозила из теплицы по цветочным магазинам утренние розы и тюльпаны).

Иными словами, настораживалась, задумывалась, что бы это значило, приглядывалась к нему со стороны. Оценивала и соизмеряла обещания с тем, насколько они выполнены. Обещал роскошный подарок ко дню рождения, и где он, роскошный? Подарил фитюльку, фиговинку, даже не купленную, а уворованную – бабкин браслетик, да и то один камушек (птенчик) выпал из гнезда. Слова богу, хватило ума не дарить цветы, иначе бы швырнула букет ему в лицо, поскольку этих цветов у нее полон багажник. Обещал пригласить в ночной ресторан, и где он, ресторан? По-прежнему лишь манит огнями и завораживает, ухает музыкой, доносящейся из окон. Обещал повезти в Крым на июль, забронировать пятизвездочный, и вот на тебе – весь месяц отпуска пропарились в изнывающей от жары Москве.

Получалось, что выполнялись лишь те обещания, которые не требовали трат, словно на ней беззастенчиво, бессовестно, нагло экономили, и это было ужасно обидно. От нее брали все (красоту, молодость и страстную истому), ей же вместо благодарности совали под нос шиш с маком, словно она недостойна, хуже других. Жанна чуть не плакала от обиды, что с ней не считаются, что любой ее деликатный намек, не высказанное, а лишь обозначенное глазами пожелание, попытку подольше задержаться у витрины с украшениями или шубами воспринимают как стремление их разорить, выманить последнюю копейку, догола раздеть и пустить по миру. Не понимают при этом, что не побрякушки ей нужны, не серьги, колечки, ожерелья, беличьи манто, а уверенность в том, что у них все серьезно, прочно, а главное, надолго, что есть перспектива.

И что самое обидное, так вели себя не только наши, но и напыщенные с виду, надменные тамошние – иностранцы. Казалось бы, вырвались от своих жен, обрели хотя бы на месяц желанную свободу, да и денег поднакопили – уж они-то могут себе позволить, пустить пыль в глаза. Ан нет – те еще хуже жмутся; отвернувшись, слюнят и пересчитывают свои купюры. Экономят на всем, трясутся, лишнюю копейку боятся потратить. А если решатся что-нибудь купить, то подавайте им со скидкой и на распродаже, поскольку привыкли. Привыкли там у себя скидки выклянчивать и по распродажам бегать – аж стыдно за них, а еще Европа!

Глава вторая

Пожалуйста, сразу счет

Одно время Жанна делала ставку на итальянцев, поскольку ей умные люди внушили, что они не такие прижимистые. Воодушевилась и даже итальянский стала учить, благо одна из подруг, Лаура Фокина (по бывшему мужу Самохвалова), преподавала на курсах и кроме своего итальянского знать ничего не хотела. Дома не готовила, расчесывала волосы сломанным гребнем, шаркала подошвами заношенных туфель и мела подолом длинной юбки пол (энтузиастка). Зато с упоением читала Петрарку и в воображении даже мнила себя его возлюбленной (не зря же ей выбрали такое имя).

Лаура ее поднатаскала, так что Жанна вполне прилично могла поддержать разговор на общую тему, а уж по цветам-то была высший спец. Все сорта роз могла перечислить по-итальянски. Для светской жизни у нее тоже имелся небольшой запас слов. Ее коронной фразой была: «Le spiace portarchi il conto allo stesso tempo» («Принесите, пожалуйста, сразу счет»). Осталось только познакомиться с тем, кто будет этот счет оплачивать, – выманить налима из-под коряги и взять за жабры.

И тут попался ей первосортный, казалось бы, итальянец с косичкой волос, стянутых резинкой, рыжими усами, колючими, как швабра, и именем (ты только послушай!) Маурицио. Жанна по наивности в него влюбилась, считая, что уж он-то оденет ее в шелка и (не меньше того!) усадит за руль шикарного темно-вишневого спортивного автомобиля.

Но время шло, и вместо шелков множились долги, поскольку она сама за все платила, а Маурицио обладал завидным искусством внезапно исчезать, лишь только наступало время расплачиваться. Жанна терпела, терпела и наконец не выдержала, прижала его к стенке: «Ты кто, сутенер, шулер?» Выяснилось, что он бродячий актер (я почему-то сразу так подумал), кукловод, дергает за ниточки, колесит со своим театриком по всей Европе и зарабатывает гроши.

Тогда она ушла от него к французу по имени Марсель, маленькому, чернявому, лысеющему почему-то не с темени, а с висков, как она мне долго объясняла. Тот был от нее в восторге и засыпал подарками. Жанна уже думала, что нашла свое счастье, но оказалось, что эти чулки, духи, муфты он крал у своей любовницы, с которой собирался расстаться. Та, обобранная до нитки, разыскала Жанну, уперлась ей коленом в живот, оттаскала за волосы, надавала пощечин и все забрала назад, оставив ее в слезах.

Через какое-то время она от отчаяния и обиды сама украла. Украла у подвернувшегося скряги-англичанина с бледным лицом и морковно-красным затылком серебряный портсигар, мобильный телефон и наушники (впрочем, возникла версия, что он все это ей нарочно подложил, чтобы осрамить и оскандалить, гад ползучий).

Заподозрив Жанну (больше было некого), англичанин не стал ее допрашивать, выпытывать признание, тем более заявлять в полицию. Для дознания и расправы он нанял плечистого вышибалу Алика из подпольного борделя или клуба. И тот ее напоил (насильно влил в рот фляжку виски) и жестоко избил. Портсигар, телефон и наушники отнял, сунул ей сто зеленых на лечение и велел больше не появляться в радиусе километра, иначе будет еще хуже.

Глава третья

В дальнем углу за крайним столиком

Жанна была оскорблена. Даже когда она об этом рассказывала, ее всю лихорадило, коржило и знобило. Жанна забывала стряхнуть пепел с сигареты, безуспешно ловила выпадавшую из уха матросскую серьгу, и наэлектризованные рыжие вихры на ее коротко (под мальчишка) стриженной голове поднимались султанами.

Она несколько раз доставала зеркальце, чтобы привести себя в порядок, напудрить лоб и подкрасить губы (причем зеркальце явно снято с какого-то старого автомобиля, выброшенного на свалку). Щеки у нее горели, и рассказывала Жанна сбивчиво, повторяясь и забегая вперед. От волнения слегка заикалась и постоянно повторяла, что с ней ничего подобного еще не случилось и такого унижения она никогда не испытывала. «Всякое бывало, но такого китча – никогда. Слушай! Ей богу, никогда!» – говорила она доверительно тому, с кем уже раздавили тыкву (перешла на ты).

Самым обидным казалось то, что вышибала Алик бил, не оставляя синяков, иначе бы она сама заявила куда надо. Но вот нет, не заявила. Не заявила еще и потому, что не хотела связываться со стражами беспорядка.

Но оставить безнаказанным такой наглый китч (китчем она называла любой беспредел) было нельзя. И Жанна, по ее словам, набрала (натыкала) номер испытанной подруги Лауры Фокиной.

– Самохвалова, давай встретимся. – Она называла подругу по фамилии мужа, чтобы ее подразнить и заинтриговать, а заодно и напомнить, как помогала ей выкарабкаться при разводе. Из этого следовало, что теперь Жанне могла понадобиться ее помощь.

– А что такое? – спросила Лаура меланхолично, с ленцой и легким вызовом, ставившим под сомнение право подруги приставать к ней со всякими мелочами и глупостями. – Что-нибудь важное?

– Из-за ерунды я бы звонить не стала. Меня тут чуть не убили.

– Господи, кто? – Теперь Лаура готова была признать любое право, лишь бы узнать подробности того, что случилось.

– Расскажу при встрече. – Жанна понизила голос, словно рассказать сейчас ей мешало присутствие посторонних, хотя никого рядом не было. – Сегодня вечером ты можешь?

– Сегодня? – Лаура любила переспрашивать и недоговаривать.

– Скажем, часов в семь?

– В семь... в семь... дай покумекать. Где?

– Ну, на старом месте. В дальнем углу за крайним столиком. Что-нибудь закажем и посидим.

– Буду. Правда, у меня каблук отваливается, но все равно буду.

– Обещаешь?

– Клянусь.

Глава четвертая

Джентль

Они встретились на открытой веранде летнего кафе, под полосатым тентом.

Недавно прошел дождь, и в складках тента скопилась вода, сбегавшая вниз ручейками, похожими на стеклярусные нити. Было прохладно и неуютно, но подруги не стали уходить с веранды, словно на новом, непривычном месте что-то могло помешать их разговору. Они лишь попросили принести пледы и закутались в них.

Закутались, похожие на спасавшихся бегством из России наполеоновских солдат, чей жалкий вид уже тогда предсказывал будущий закат Европы.

Жанна рассказала про кражу, особенно напирая на версию, что англичанин сам все подстроил.

– Он может. У него любовь ко всяким пакостным экспериментам. Он рассказывал, что однажды уговорил своего друга-пианиста играть в волейбол за студенческую команду, чтобы тот переломал себе пальцы.

– И он тебя избил?

– Сам он меня бить не стал. Видите ли, он джентль, а джентль, по его словам, не может ударить женщину.

– Вот сволочь. Где ты с ним познакомилась?

– Где я его откопала? – Жанна упростила вопрос Лауры. – На вечеринке у подруги. Он попросил устроить вечеринку, чтобы понаблюдать, как мы веселимся, и изучать нравы аборигенов. Даже в книжечку что-то записывал.

– Аборигены – это мы что ли? Наблюдатель.

– Меня он почему-то называл Жанна де Во и говорил при этом, что я – сама жизнь.

– Ну, это из Мопассана. Эрудит.

– И что теперь с этим вшивым эрудитом и наблюдателем делать?

– Плюнь и забудь. С этими лучше не связываться.

– Ну, хоть какую-нибудь гадость ему сделать я могу?

– Какую, подруга? – Лаура не возражала против гадостей, но их правильный выбор вызывал у нее сомнение.

– Да люблю, – Жанна, наоборот, настаивала на том, что здесь и выбрать нечего, – но я должна отомстить. Не могу же я позволить, чтобы меня так опускали.

– Но ведь ты, согласишься, отчасти заслужила. – Лаура уклончиво опустила глаза. – Ведь не зря сказано: не кради.

– С моей стороны это не кража. Это эмоциональное. Порыв.

– Нельзя в наше время жить одними эмоциями. Одними порывами. Ты не Жанна де Во, хоть тебя так и называют. К тому же тебе скоро тридцать.

– Ну и что? А хоть бы и пятьдесят. Договоримся: я ему отомщу и после этого стану благоразумной. Клянусь. Пусть это будет мой нулевой урок. – Под нулевым уроком Жанна подразумевала все то, ради чего нужно рано проснуться, чтобы потом, на следующий день, спать сколько захочется.

– У вас что, в школе часто нулевки были?

– Почти каждую неделю.

– Бедняга. Тогда понятно. Только я не очень-то верю, что ты станешь благоразумной.

– Не верь! – воскликнула Жанна, а затем повторила тихим, вкрадчивым голосом: – Не верь, но подкажи.

– Ладно, где он работает, твой наблюдатель? – Лаура достала из сумочки персиковую помаду и слегка намазала губы.

– В представительстве. – Жанна тем временем допила свой кофе.

– И кого представляет? – Лаура сомкнула губы, затем разомкнула их и тронула салфеткой.

– Не знаю. Кажется, самого себя. – Жанна тем временем допила свой кофе.

– Когда он возвращается домой?

– Вечером, как и все.

– Тогда вот что. – Лаура подозвала официанта, чтобы расплатиться. – Извини, я спешу. У меня урок, – шепнула она подруге с умоляющим жестом, означающим катастрофическую нехватку времени, и обратилась к официанту: – Счет, пожалуйста.

Жанна хотела произнести свою излюбленную фразу (ради этого заказать еще чашечку кофе), но вспомнила, что они не в Италии.

– А я как же? – спросила она, опасаясь, что он успеет получить от подруги нужный совет. Но Лаура все держала в уме и тотчас вернулась к начатой фразе.

– Тогда вот что... – торопливо произнесла она, пока официант не вернулся со счетом. – Подстереги его и плесни чем-нибудь в лицо.

– Господи, чем еще? – Жанна невольно заслонила лицо ладонью.

- Чем положено в таких случаях. Или вымажи ему лицо паркетной мастикой. Или подговори бомжей, чтобы они его прессанули.
- Я одна не смогу. Ты мне поможешь?
- Извини, у меня урок, – повторила Лаура, то ли отказываясь ей помочь, то ли не успевая толком ответить.
- А каблук? – крикнула ей вдогонку Жанна.
- Починила, – огрызнулась подруга.

Глава пятая Мечь Шарлотты

Все-таки Лаура – надо отдать ей должное – не отказалась, нет, а просто не успела тогда ответить. И когда Жанна ей на следующий день позвонила, с робкой, заискивающей надеждой напоминая о вчерашнем разговоре, та сразу сказала, что вечером будет свободна и готова ее сопровождать. Сопровождать на благое дело, на мечь Шарлотты Корде.

«Какая еще там Шарлотта?» – недоверчиво спросила Жанна, заподозрив некий подвох (подруга была способна на мелкое иезуитство), но Лаура толком ей не ответила. Лишь настаивательно произнесла, что, мол, книжки надо читать. «В гробу я их видала, эти книжки», – подумала Жанна, и напрасно: не следовало позволять себе такие мысли, поскольку книжки-то ей тогда и аукнулись... но об этом речь впереди.

Жанна заехала за подругой на своем испытанном кукурузнике (таковы марки всех автомобилей ниже «мерседеса»). Было по-летнему душно, воздух лиловел и сгушался маревом, как перед грозой. В кабине, не отделенной перегородкой от багажника, держался стойкий, приторный аромат роз, смешанный с запахом бензина и промасленной ветоши. Лаура обеспокоенно потянула носом, опасаясь, что разболится голова, и спросила, долго ли ей страдать за свое благородство. «Двадцать минут, если не застрянем», – ответила Жанна, поглядывая на нее со слегка высокомерной снисходительностью: голова у нее самой не болела никогда.

Обе устроились на переднем сиденье. Лаура опустила боковое стекло и стала обмахиваться снятой с головы жокейской кепкой (кепулей), защищавшей от солнца. Жанна завела мотор, кукурузник задрожал (затрепетал), они дернулись, несколько раз ткнулись в невидимое препятствие и поехали.

Лаура достала пузырек с какой-то жидкостью, но открывать не стала, а лишь поболтала им перед носом Жанны, внушая, что запаслась всем необходимым. Жанна в ответ тоже достала и тоже поболтала, ничего не внушая: пузырьки оказались одинаковые и ни на что серьезное не годные – только клопов морить.

– Ну и дуры же мы с тобой... – сказала Лаура, удовлетворенная тем, что может назвать душой не только себя, но и свою подругу.

– Тут есть аптека неподалеку. Заедем? – жалобно предложила Жанна, как предлагают нечто заведомо ненужное и бесполезное.

– Тут и кладбище есть... тоже недалеко, – произнесла Лаура так, как на сцене произносят реплику в сторону, и с участливым вниманием обратилась к подруге: – Там все то же самое, в этих аптеках. Хорошей отравы не купишь. Одна надежда на бомжей.

Жанне на минуту стало страшно, даже в горле запершило, и она закашлялась.

– Может, не надо? Ни к чему все это?

– Что именно? – внятно спросила Лаура, тем самым требуя, чтобы Жанна называла вещи своими именами, а не пряталась за уклончивыми недомолвками.

– Ну, это, это... вся наша затея.

– Не наша, а твоя, если на то пошло... Тоже мне Шарлотта Корде. Слава в веках не для тебя.

- Жалко мне его, хоть он злой и противный.
- Англичанин-то твой? А себя не жалко? А он тебя пожалел, когда нанимал этого амбала?
- Нет, не пожалел. – Жанна была вынуждена признать очевидное.
- Вот и молчи, а то все испортишь. – Лаура и сама замолчала, словно сказанное ею было настолько значительным, что к нему ничего не добавишь.

Глава шестая Дворомыга

После светофора, свернув в респектабельно-тихий, дремотно млеющий под липами переулок, Жанна притормозила. Кукурузник встал между черным «мерседесом» и оранжевым самосвалом, выглядевшим непристойно со своим приподнятым кузовом и грубыми, рельефно-рубчатыми шинами огромных колес, но терпимым, поскольку он вывозил мусор после дорожного ремонта.

– Здесь. – Жанна опустила глаза, чтобы не смотреть на то, что тысячу раз уже видела. – Из того подъезда он обычно выходит.

– Один?

– Один. И запирает дверь на ключ.

– Странно. Может быть, он Штирлиц? А что там за человек крутится возле подъезда? На охранника не похож. Бомж? – Хотя подруга не смотрела туда, куда ей показывали, Лаура была уверена, что она все прекрасно видит.

– Дворомыга. – Жанна нашла замену слову. – Мыкается по дворам и собирает выброшенные книги. Сейчас ведь много выбрасывают. Мешками выносят.

– Зачем же он их собирает?

– Не знаю. Я не спрашивала. Дурь, наверное. У каждого в башке свои тараканы.

– Эй, милейший! – Лаура окликнула и поманила к себе человека. Тот не стал делать вид, будто не слышит, и тем самым набивать себе цену, а сразу подошел, хотя и без всякой суеты и угодливой торопливости, со спокойным лицом, вовсе не желая соответствовать тому, что его назвали «милейшим». – Ты здешний?

Тот кивнул, готовый к тому, что его спросят, как найти, как пройти, как проехать. Но Лаура ошаршила его заданным напрямую вопросом:

– Хочешь получить на бухло?

– Я вообще-то не пью. Но деньги мне нужны. Пожалуй, хочу, – сказал человек так, словно ему еще пришлось решать вопрос, хочет он или не хочет.

Некоторое время подруги его откровенно разглядывали. Как все дворомыги, он был во что-то одет, чем-то обмотан, чем-то подвязан, чем-то едва прикрыт, и невозможно было понять, где кончается верхняя, пиджачная часть одежды и начинается нижняя, брючная. Но лицо у него было красивое, волосы на голове – с серебристой проседью, борода – ухоженная, и глаза за стеклами круглых очков – мечтательные.

«Слава богу, хотя бы моется, чистый», – принюхиваясь, подумала чуткая к запахам Лаура.

– Значит, денег ты хочешь. Тогда будь любезен – выполни одну работенку. Сейчас отсюда выйдет хмырь. Постарайся к нему прицепиться и завязать с ним драку. Надо его хорошенько отделать. Прессануть, как говорят.

– Я вообще-то не дерусь. Во всяком случае, без особой причины.

– Причина есть. Этот хмырь плохо обошелся с женщиной. Спровоцировал ее на опрометчивый поступок, а затем нанял одного бугая, чтобы тот ее избил.

– Какая гнусность. Эта женщина – вы?

– Нет, моя подруга. Вот познакомься. Жанна.

Жанне пришлось открыть дверцу, выбраться из машины и поклониться. Он тоже поклонился, благоговейно взял за кончики пальцев и подержал – словно бы на весу – ее руку. При этом подругами было замечено (они со значением переглянулись), что на его руке два обручальных кольца.

– Рад знакомству. Николай, – назвал он себя, поправил пиджак, перешитый из морского кителя, и подпернул брюки, понизу обтрепанные до бахромы, накрывавшей давно нечищенные ботинки и сползавшей дальше под каблук.

– Жанна тоже безумно рада. – Чтобы не затягивать всю эту канитель, Лаура сочла себя вправе высказаться за подругу. – Так ты берешься?

– Берусь, – сказал он, снимая очки так, словно без них видел гораздо лучше и чувствовал себя увереннее.

Глава седьмая Баллончик

Некоторое время всем троим пришлось подождать в кабине. Все трое молчали. Лаура сочла, что молчать, конечно, неловко, даже неприлично, но еще неприличнее было бы пытаться завести разговор, когда говорить заведомо не о чем. О главном они условились, а отвлекаться на что-то постороннее не было никакого резона. Это могло лишь помешать, увести не туда.

Впрочем, по мере того как ожидание затягивалось, она нашла тему для разговора и с безразличным недоумением спросила:

– А почему у вас два обручальных кольца? Вы двоеженец?

– Просто у меня было две жены, и каждой я оставил по квартире. Одной даже в высотном доме.

– Значит, и положение вы занимали соответственно высокое? Впрочем, ваш брат любит так о себе говорить.

– У меня нет брата. А сам я действительно занимал высокое положение. Я был министром иностранных дел.

– Простите, а ваша фамилия?..

– Чеботарев, с вашего позволения.

– Что-то я не помню министра с такой фамилией.

– Я был министром, так сказать, теньвым. Но без моего ведома ничего не делалось.

– Так это вас надо благодарить за успехи нашей внешней политики?

– Во всяком случае, я принимал участие.

– С вами консультировались?

– Нет, участие мысленное, на расстоянии...

– Так вы телепат? Или вы имеете выход в некую ноосферу? – Последнее слово Лаура произнесла с таким преувеличенным уважением к предмету, что за ним угадывалось явное пренебрежение.

– Нет, я баловством не занимаюсь. У меня другие методы.

– Какие же?

– Не знаю, как объяснить. Ну, можно сказать, сакральные...

– Тихо. Объект появился. Работаем, – прервала их разговор Жанна.

Действительно, из подъезда с прямой осанкой вышел англичанин. Он постоял, огляделся, снял и протер очки, брезгливо высморкался и медленным шагом, вынося вперед палку с набалдашником, двинулся им навстречу.

– Мы выйдем вместе? – спросила Жанна упавшим голосом.

– Сиди. Сначала выйду я, а затем Николай. А ты сиди, – повторила она так, словно это повторение было равнозначно объяснению причин, вынуждавших подругу остаться в машине.

– Нет, я должен первым, уж вы простите... – Чеботарев, опередив всех, выбрался из машины.

Он поддернул брюки, чтобы бахрома на штанинах не попадала под каблуки, затянул потуже ремень и смахнул с себя налипшие лепестки роз. Таким образом придав себе соответствующий вид, в чем-то даже угрожающий, он преградил дорогу англичанину.

– Я не помешаю, если пройду с вами рядом? – спросил он, выбирая слова попроще и произнося их как можно более внятно и медленно.

– Пожалуйста. Лишь бы я вам не помешал, – ответил англичанин слегка насмешливо и презрительно, тем самым показывая, что в русском языке он не ребенок, чтобы пичкать его манной кашей.

– Вы недавно из Лондона?

– Какой там Лондон, приятель! Я живу здесь более десяти лет.

Некоторое время они шли молча, невольно соизмеряя шаги так, словно шагали в одном строю. Тут к ним подоспела Лаура. С сияющей улыбкой она присоединилась к Николаю и даже взяла его под руку.

– Так вас двое. – Англичанин пожал плечами, словно двое были ему так же безразличны, как и один.

– О нет! Нас гораздо больше. Нас трое, но одна из нас не может выйти после того, как ее избил, – посетовала Лаура, заранее готовая принять знаки сочувствия.

– Избили? Как нехорошо! – Лицо англичанина оставалось непроницаемо спокойным.

– И вы догадываетесь, кто именно?

– Не имею понятия.

– Правильно. Не имеете. И наша задача заключается в том, чтобы внушить вам некие понятия, необходимые порядочным людям, – подхватил Николай, с приятностью внушая: это еще не угроза, но он не отвечает за то, что может последовать дальше.

– Тогда вы ошиблись адресом. Я не порядочный человек.

– Как?! Вы же джентльмен... – вмешалась Лаура.

Англичанин немного помялся.

– Да, но я не безупречен. Я с юности страдал от своих порочных наклонностей. Я, как у вас говорят... по... пога... поганец, ха-ха. И этим не гнушаюсь, а очень даже наслаждаюсь, если я правильно выразился.

– Не слишком ли вы самокритичны? – спросила Лаура с ласковым вызовом.

– Не слишком, уверяю. И если вы собираетесь меня бить, я буду защищаться самым недостойным образом, с помощью запрещенных приемов.

– Спасибо, что предупредили. Каких же? – заинтересованно осведомился Николай.

– Все вам расскажи! Между прочим, я могу и укусить. У меня мертвая хватка, как у бульдога. Или, к примеру, воспользуюсь этим баллончиком... – Англичанин нехотя достал красный баллончик из кармана и тотчас спрятал обратно. – Но это так... между прочим...

– Только учтите вы с вашим баллончиком, что перед вами министр иностранных дел, глава теневого кабинета. – Лаура подавила зевок, словно ей давно наскучило слышать подобные угрозы от тех, кто потом в них раскаивался.

– Браво, браво. Кажется, у вашей молодежи это называется «прикол».

– Важно не название, а важна суть. Что ж, приступим... – Лаура достала свой пузырек, а Николай стал теснить англичанина в подворотню дома, пытаясь заломить ему за спину руки.

– Это насилие... Вы не имеете права. – Англичанин попятился, споткнулся, чуть не упал, но затем изогнулся, ловко вывернулся, рывком освободил руки и произнес: – Знаете что... ну-ка откройте рот... откройте, откройте...

Он прищурился, словно дантист, собирающийся осмотреть ротовую полость своего пациента.

– Зачем? – с недоумением спросил Николай, но все-таки открыл рот (Лаура не успела предупредить, чтобы он этого не делал).

– Вот зачем, – сказал англичанин и прыснул ему в рот из своего баллончика.

Глава восьмая Сакральное могущество

– Ну вот... удушье проходит, кашель уже не такой сильный...

– И дыхание, похоже, восстанавливается, глаза почти не слезятся...

Николай полулежал-полусидел на топчане в своем подвале с низкими потолками и обмотанными войлоком трубами (под спину были втиснуты подушки), а над ним с видом заботливых сестер милосердия склонялись Жанна и Лаура, перечисляя признаки улучшения его состояния и по поводу каждого из признаков обмениваясь пугливо-радостными улыбками.

– Может быть, чаю? – Жанна чуть-чуть изменила голос, подчеркивая этим, что обращается к пострадавшему, постепенно приходившему в себя.

Николай едва заметно кивнул, но тут же беспомощно огляделся по сторонам, отдавая себе отчет в том, что они вряд ли сумеют отыскать все необходимое для чая.

– Я попозже сам заварю.

– Вот деньги за вашу работу. – Лаура взяла пострадавшего за руку и накрыла ею лежавший рядом конверт с деньгами.

Николай отдернул руку и замотал головой.

– Не надо. Лучше книгами.

– Какими книгами?

– Если у вас есть ненужные, принесите.

– Зачем они вам? Вы так любите читать?

– Люблю больше всего на свете. Но именно поэтому книг не читаю.

– Что же вы с ними делаете?

– Храню, – со значением произнес Николай, словно хранение книг превосходило по важности все прочие занятия.

– Так у вас здесь книгохранилище? Как в бывшей Ленинской?

– Да, но только тайное. Там я даже не зажигаю свет.

– Почему же вы отказываете себе в удовольствии читать, имея столько книг?

– Потому что книги слишком зачитаны, захватаны, залапаны, замызганы, замусолены, ведь они прошли через множество рук. Их смысл искажен из-за нелепых комментариев, предисловий, послесловий, чьих-то дурацких мнений и оценок. Поэтому они утратили свое сакральное могущество и перестали благотворно влиять на жизнь. Особенно это касается Библии, Корана и других священных книг. А без таких книг жизнь – это рахитичный уродец. Зачитанность Корана, потеря его священного смысла порождает терроризм, а зачитанность Библии... Но это долгий разговор. Может быть, когда-нибудь... после... – Николай снова закашлялся.

– Да, вам лучше не переутомляться... После, после, – заставила себя согласиться Жанна, несмотря на все желание услышать продолжение. – Теперь мне ясно, почему я ничего не читаю.

– Я думаю, что ты не читаешь по другой причине, – словно бы нечаянно обронила Лаура. Под предлогом того, что она сама себя не слишком понимала, Лаура не стремилась к тому, чтобы другие ее до конца поняли. – Какой же он все-таки поганец, этот англосакс.

– Здесь все не так просто. – Николай сел, подобрав под себя ноги. – Раньше поганями называли племена кочевников, совершавшие набеги на Русь, но теперь их сменили поганые книги. Я к вашему англичанину давно присматриваюсь. И вот что я выяснил, хотя, возможно, это мои домыслы. Нет, не домыслы. – Николай сам же себе возразил. – Ваш англичанин отвечает за проникновение поганых книг в Россию и возникновение наших собственных, таких

же поганых. И, надо сказать, ему это удастся. Поганые заполонили прилавки, книжные полки библиотек. Сейчас начинаешь понимать, что призывы ввести цензуру или даже жечь книги – не пустой звук. Однако давайте пить чай...

– Да, будем пить чай, – возвестила Жанна, словно ей это самой пришло в голову.

– А может быть, просто пить? – спросила Лаура с сомнением по поводу того, что после всего случившегося они смогут обойтись одним чаем.

– Там, за занавеской... – Николай показал, где искать замену чаю.

Они разлили по рюмкам что-то мутноватое, с ореховым отсветом, похожее на самогон, и выпили как по команде: сначала Николай (генерал), а за ним Лаура и Жанна (капитан и сержант). Закусить (как подруги ни искали глазами) было нечем. Поэтому вместо закуски выпили еще по рюмке. Николай порозовел, черты лица разгладились, борода каштаново залоснилась, и он сразу показался подругам отталкивающе красивым, с волнистой прядью, тронутой седью, с мечтательным блеском в глазах.

– Так что же ваши книги? Зачем они вам? – Жанна (она тоже захмелела и разругмянилась) напомнила о прерванном разговоре.

– Это хорошо, что у нас перестали читать. – Николай, не глядя, смотрел на Жанну. – Надо все начать заново – с нулевого урока. Пусть на время о книгах вообще забудут. Особенно о Библии и Коране, но и не только о них. Как когда-то, с приходом христианства, разучились понимать египетские иероглифы, так и сейчас пусть забудут все, о чем писали Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский.

– И Николай Носов. – У Жанны всплыло что-то читанное некогда в детстве.

– А без них пусть все превратятся в придурков, болванчиков с наушниками в ушах. Пусть ходят, как сомнамбулы, уткнувшись в свои мобильники. Это будет только во благо, поскольку книги вновь обретут сакральное могущество и, словно заряженные конденсаторы, будут пропускать своими живительными токами жизнь.

– А сами вы пишете? – затаив дыхание спросила Жанна.

– Да, знаете ли, пишу.

– Вы писатель?! – Она чуть не задохнулась от восторга. – Я так и думала. Ей-богу, так и думала!

– Но меня никто и никогда не прочтет. Я не Толстой и не Гоголь, но я не позволю мусолить мои книги, поэтому они никогда не будут напечатаны и растиражированы. Печатаение и тираж – смерть для моих книг. Их эзотерическая сущность способна сохраниться лишь в рукописи.

– А нам вы дадите прочесть? – спросила Жанна обидчиво и, чувствуя, что в этом вопросе, может быть, не хватает самого главного, тихонько добавила: – А мне?

Глава девятая Сады Семирамиды

Из подвала выбрались с трудом. В этом сами были виноваты: почему-то им вздумалось наседать, ублажать, уговаривать Николая, чтобы он их не провожал. Видите ли! И уговорили, сославшись на то, что нельзя оставлять без присмотра книги, тем более поздним вечером. Это означало, что они прониклись сознанием значимости, стали рассуждать как посвященные, как адепты – экие дурехи, но туда же, теперь их не остановишь.

И пришлось самим выбираться на свет божий (хотя и лунный) – по каким-то коридорам с висячими садами Семирамиды. Да если бы (ха-ха), а то ведь вместо садов – висячая в воздухе мука (ударение на любом слоге), цементная пыль, сплошная пелена, к тому же въедается в глаза, раздражает до неверных слез слизистую, вызывает сухой кашель и бесконечные чихи.

Вот они всласть и почихали, пока не выбрались и не глотнули наконец свежего ночного воздуха.

Да, вечер уже преобразился в ночь, по-летнему бархатную, звездную, с матовым кругом луны, шепотом, ропотом, бормотанием лип, погасшими, жестяного отлива окнами домов и неустанно звенящей сверчками тишиной.

За руль Жанна из благоразумия (тем более похвального, что оно редко ее посещало) решила не садиться. Уж она себя знала: стоит немного выпить, и первый же фонарный столб – ее, а тут выпили изрядно и без закуски (только под конец нашлась горбушка хлеба). В таком блаженном состоянии столбы считать – не сосчитать, да еще прав чего доброго лишат. Поэтому благоразумие-то не помешает, лишним не окажется.

Остановили такси (повезло). Полдороги молчали, но затем все-таки почувствовали, что не выговориться нельзя, что надо отдаться нахлынувшему потоку слов, восклицаний, обмирающих, умолчаний, недосказанностей, двусмысленностей и намеков.

Вот и заговорили разом, перебивая, опережая друг дружку – если не о нем самом (Николае-чудотворце), то о чем-то близком, с ним связанном.

Выходило, что сегодняшняя встреча – нечто судьбоносное, знаменательное, важное, что она открыла глаза, а он – несомненно фигура при всех его странностях, дворянственности, бахроме под каблуком, что у него своя философия и что за ним – дело, которому можно и послужить (об этом особенно размечталась Жанна, испытанная служака во всех начинаниях еще со школьных лет).

– Дело преображения! – дотумкала, докумекала Жанна. – У нас-то все занимались преобразованиями, а тут – преображение! – Ей почему-то стало радостно от этого слова, отчего она даже заскулила и захныкала себе в кулачок.

– Вот именно! – подхватила Лаура, вдруг осознав, что она именно Лаура, а не Лера, не Лара, не Лена, как ее иногда снисходительно, будто из жалости (досталось же дурехе такое вычурное имя), называли. – И ты никогда не зови меня Ларой...

И хотя Жанна никогда так и не звала подругу, она вдруг поняла, почему та – казалось бы, без всякой связи – об этом заговорила.

– Ну что ты! Никогда! – заверила она с чувством. – Ах, как он говорил о книгах и их могуществе! Вот только эти жены... С ними надо разобраться.

– А чего разбираться. Наверняка они просто счастливы тем, что тратят на него деньги, – с усмешкой, скептически произнесла Лаура.

– Так он мой? – сочла нужным уточнить Жанна, как одна из стран-победительниц при дележе завоеванных земель.

– Твой, твой... я в этом плане не претендую, – успокоила ее Лаура. – Мне нужен только Петрарка, а он у меня есть.

И она стала вслух читать сонеты. Как всегда по-итальянски, но с запинками, ошибками и русским акцентом.

Глава десятая Полинька Сакс

Всю неделю она запрещала себе думать о Николае, поскольку ни о чем ином думать не могла и надеялась, что подобный запрет вернет ей эту утраченную способность. Но вопреки всем надеждам даже и запрет не возвращал, и все иное для нее безнадежно потускнело, померкло, выстудилось, словно протопленная комната при открытом настежь окне. Это было верным признаком того, что она готова влюбиться, если только уже не влюбилась, но в то же время стремление принять это как данность уже наталкивалось на препятствие, тем более досадное, что при всей его незначительности, даже ничтожности, ей никак не удавалось пре-

пятствие преодолеть. Привыкшая быть с собой откровенной (как на духу), Жанна не могла не признаться: что-то ее останавливало, вселяло в нее сомнение, отнимавшее радость зарождавшейся любви. Наконец что-то приобрело определенные очертания. Жанна боялась услышать мнение человека, для нее близкого, почти родного, которому она верила и с которым всегда считалась. Ей казалось, что на этот раз близкий человек ее не поймет и даже осудит, как осуждают тех, кто губит себя своими иллюзиями – в том числе и той, которую она принимала за любовь.

После смерти матери Жанна часто навещала ее подругу Полину Георгиевну Саксонскую (мать называла ее Полинька Сакс), жившую в Чертанове, на последнем этаже такого же грязно-серого вавилоня, как и Жанна. Полине Георгиевне было трудно спускаться в магазин и аптеку, и Жанна приносила ей хлеб, картошку, лекарства, отказывалась от денег и оставалась поболтать, как это у них называлось, хотя болтовня могла сводиться к тому, что обе подолгу молчали, не желая повторять того, о чем уже было сказано.

Из этого молчания, ничуть их не стеснявшего, и родилась дружба, сводившаяся к тому, что сказанным они очень дорожили. Вернее, дорожила Жанна, поскольку не раз убеждалась в мудрости и проницательности (прозорливости) Полины Георгиевны, хотя та любила называть себя выживающей из ума, глупой и вздорной старухой, к тому же вечно простуженной и хлюпающей носом.

Вот и сейчас разговор начался с такого молчания, но не потому, что обе не хотели повторяться, а потому, что Полинька Сакс (Жанна мысленно ее так называла) явно почувствовала: в жизни Жанны произошло нечто важное и значительное, чего нельзя касаться просто так, мимоходом. Нужно непременно выждать подходящий момент, поэтому Полина Георгиевна начала с постороннего, с ничего не значащего вопроса:

– Ну, как твой француз? Или я уже путаю, и последним был, кажется, англичанин?

– Был да сплыл. И напоследок обвинил меня в том, что я его обворовала.

– Ах, мерзавец. Вот и водись с такими... Брось ты их, этих иностранцев. Все они засранцы, как говорил товарищ Сталин. – Полина Георгиевна любила словом-то этак поозорничать. – Впрочем, я вру: не все, – спохватилась она. – Есть очень даже милые... Я тут однажды выползла на бульваре посидеть, воздухом подышать и познакомилась... с кем бы ты думала?... с тайским принцем. – Полинька Сакс явно наслаждалась эффектом своего признания. – Он, окруженный раболепными слугами и служанками, под балдахином нашим бабкам проповедовал буддизм и дарил фигурки Будды.

– По-русски проповедовал? – спросила Жанна без всякого интереса.

– Да, он здесь учится.

– И что же они? Приняли новую веру?

– Приняли, уж очень он хорошенький, проповедник-то. Со смуглым личиком, как у Гюльчатай. Залюбуешься. И, наверное, богатый, раз все-таки принц, а не какой-то бомжара из подворотни.

Жанне вдруг стало интересно.

– А у меня тоже новый знакомый...

– Поздравляю. Кто же?

– Сразу-то и не скажешь. Как бы ты отнеслась, если бы он был?... – Жанна загадочно возвела глаза к потолку.

– Ну, кем, кем? Официантом? Грузчиком? Дворником?

– Еще ниже...

– Господи, кто же там? Ну, не нищий же...

– Теплее, теплее.

– Бомж?

– Да.

Несмотря на то, что она получила определенный ответ, Полина Георгиевна смотрела на Жанну так, словно ровным счетом ничего не понимала.

– Ты всегда была с причудами, но чтобы... Или ты шутишь? – спросила она так, словно шутка, даже самая неудачная, была бы лучшим выходом из положения.

– Нет, у нас все серьезно, хотя в сущности ничего еще и нет... Серьезно в том смысле, что он философ. – Жанна почему-то сочла нужным улыбнуться.

– И ты этого философа к себе в квартиру потащишь? Да еще пропишешь, чтобы разом все потерять и самой оказаться на улице?

– Зачем ему квартира? У него есть уютный подвал.

– Все они так поначалу: у меня все есть, мне ничего не нужно. А затем оказывается, что очень даже нужно, только негде взять. – Полинка Сакс почувствовала, что разговор повернул не туда. – Ладно, прости выжившую из ума. Разворчалась тут, старая гримза... Расскажи толком, что за философ.

Жанна просияла оттого, что Полина Георгиевна вдруг изменила тон.

– Философ и писатель.

– Дал бы что-нибудь почитать, а то я Мопассана в пятый раз перечитываю.

– Нет! – Жанна убежденно отказала в просьбе, которую было так легко и при этом невозможно выполнить. – Еще не время... ну, это, как нулевой урок.

– А-а, раз так... – Полина Георгиевна, в прошлом учительница, посчитала, что из услышанного хотя и с трудом, но можно извлечь какой-то смысл. – В чем же тогда твоя задача?

– В том чтобы помочь... – решительно произнесла Жанна, а затем добавила с меньшей решительностью: – В служении...

Глава одиннадцатая Барометр

Служение началось с того, что Жанна, управившись с цветами и сдав кассиру наличные, приезжала в подвал. Ставила свой кукурузник между гаражей, стучалась условным стуком в обитую клочками войлока, жестью, кровельным железом (явно содранным с крыши) дверь и ждала ответных шагов. По тому, какие были шаги, угадывала, как прошла ночь, бессонная, воспаленная или мирная и спокойная (легкие шаги и ее успокаивали, тяжелые, с пришаркиванием – тревожили).

Ключ в замке проворачивался два раза. Ее впускали (не спрашивали, кто), целовали, проводили сквозь висячие сады Семирамиды и усаживали на топчан, накрытый безрукавкой козым мехом наружу. Некоторое время Жанна послушно сидела, вытянув перед собой ноги, разглядывала низкий потолок с цветами плесени и наверху ржавыми каплями. Но затем спохватывалась: козий мех-то он приставучий, этак придется потом целый час снимать с себя прилипшие волосинки.

Да и пора кормить шейха и повелителя завтраком из двенадцати блюд. Ну, из двенадцати, пожалуй, слишком – так хотя бы сжарить оную из четырех яиц (слово яичница почему-то никогда не произносилось), посыпать мелко нарезанным луком и присовокупить некую, на пару взошедшую, именуемую котлетой (впрочем, и этого слова, будто сговорившись, избегали).

Оная и некая подавались к столу, расчищенному от всякого мусора, хотя мусор, разумеется, был ценнейший, дороже золота: вырезки, выписки и конспекты. Повелитель восседал, вкушал и похваливал. Сама, хотя с утра не завтракала, позволяла себе лишь куснуть (от бутерброда) и глотнуть (из чашки кофе), чтобы худо-бедно держаться на ногах.

Так Жанна кормила его, затем возила по дворам, где он собирал выброшенные книги, сортировал и увязывал в стопки. Нагруженные доверху, они возвращались в подвал. Там Нико-

лай отпирал проржавевший амбарный замок, висевший на двери в святилище, и, не зажигая света – наощупь, – раскладывал по полкам Тургенева (выбрасывали особенно охотно), Чехова, Достоевского, Шекспира, Бальзака, Флобера. Ради нее раздобыл и Николая Носова, хотя Жанна о нем напрочь забыла.

После этого они чинно обедали – доедали то, что оставалось от завтрака и про запас, сухим пайком откладывали немного на ужин.

Николай снова открывал святилище, и подсвечивая фонариком, занимался книгами, что-то писал и тотчас прятал. Вечерами, когда поднимался над горизонтом матовый шар луны, улицы остывали от жары и сквозь душный морок проступала прохлада, они гуляли. Особенно любили обойти вокруг Кремль, пройтись по набережной и подняться на Большой Каменный мост. Николай говорил о своем – о свершении, о наступлении, об исполнении сроков. Она слушала, затаив дыхание, и ничего не понимая, лишь спрашивала: «Когда?» Он не отвечал, отшучивался: мол, много будет знать, скоро состарится. И вообще нельзя слишком много умствовать, тем более с такой походкой. Она была польщена (все-таки заметил), хотя делала вид, что не придает значения: походка как походка. При этом спрашивала: «А если бы я не пришла, ты бы меня нашел?» – «Конечно, нашел бы» – «А как?» – «По звездам. Или подстерег бы, как того англичанина». Она ждала: будет ли ревновать? Или хотя бы изобразил подобие ревности. Уж очень хотелось. Но он себе не позволял. Старался быть выше. И ей приходилось простить – если уж не ревность, то хотя бы ее отсутствие, умение преодолеть (а в общем-то, это все была ерунда, бабские штучки).

Иногда Жанна у него оставалась, хотя не позволяла это себе очень уж часто, чтобы не возникла видимость постоянного присутствия женщины, непозволительная для служения. Она умела разделить – провести черту, где любовь, а где долг, и замести следы, чтобы любовь не выпячивалась, не лезла наружу. Поэтому никогда не привозила с собой цветы, не украшала подвал всякими салфетками, вазочками, безделушками. Подвал есть подвал. Новый андерграунд, как Николай его называл (она же всегда путала андерграунд с ундервудом). Крипта последних христиан, подвижников духа и хранителей истины. И мещанский уют здесь неуместен.

По четвергам приходил Буба, или Боря-шарманщик, небритый, сиплый, с костылем, в тельняшке и грузинской кепке. Он крутил шарманку – вытрясал деньги за аренду, но брал и сухим пайком, как он говорил. Иными словами, всем, чем можно поживиться. Особенно выгодно было рассчитываться с ним, когда он мучился от похмельной жажды: хватало стакана. Если же жажды не было, мог забрать последнее, унести безрукавку с топчана, выдернуть ремень из брюк, шнурки из ботинок, вывернуть лампочку, прихватить табуретку, безногий стул.

Однажды пригрозился забрать разбитое пианино (Николай должен был хотя бы раз в день прикоснуться к клавишам). Как-то раз углядел старинный барометр, выброшенный кем-то вместе с книгами, но Николай отнял, выхватил – чуть не подрались. Жанна потом спросила, зачем ему барометр, и он ответил загадочно: «Перед концом света пригодится». Пошутил, наверное. Не может же такого быть, чтобы стрелка предсказывала серный дождь или огненные молнии.

Глава двенадцатая

Пожизненное

Однажды утром (Николая не было дома) на стук Жанны открыла маленькая женщина в длинной – до самого пола – юбке. Она пристально, цепко, придирчиво оглядела Жанну, что-то для себя решила, смекнула, пришла к некоему заключению и, ничего не спрашивая, впустила. Впустила безучастно, хотя и не позволила идти впереди себя, а лишь сзади, как будто она здесь хозяйка, а та, пришедшая – в лучшем случае гостя или просто посторонняя, по своей

надобности заглянувшая – вот и надо вытерпеть, выслушать, что-то ответить и благополучно спровадить.

– Вы... наверно... я полагаю... та самая? – спросила женщина тихим, бесцветным голосом, западавшим в молчание (в паузы), словно клавиша рояля, спросила небрежно и сочувственно, и именно это сочувствие возмутило Жанну. Ей захотелось ответить дерзко.

– Это вы та самая. А я – это я, – огрызнулась она и одернула юбку, чтобы в темноте не белели колени.

– Женя? – спросила она, как спрашивают о чем-то, явно желая ошибиться.

– Жанна.

– Ах, да... Жанна. Простое русское имя. А я Анна. Видите, срифмовалось. У меня был срок – десять лет. Я имею в виду срок заключения, то есть совместной жизни.

– А у меня пожизненное.

– Да, вы так рассчитываете?

– Знаю.

– Замечательно. Я за вас рада. Только учтите, вам будет трудно. У Николая упрямый, непредсказуемый характер. Он деспот. К тому же у него бывают ужасные депрессии. Его очень трудно из них вывести. Надо каждый раз искать особый подход.

– Это вам он оставил квартиру в высотном доме? – перебила ее Жанна, желая что-то для себя выяснить хотя бы отчасти нужное и полезное, а не выслушивать то, о чем она сама могла бы поведать и с еще большими подробностями.

– Да, мне, но я ее продала. Там теперь живут другие люди. Академик с женой и сыном.

– Зачем же вы продали?

– Милая, ну зачем продают в таких случаях! Не из-за того, что мне наскучил вид на Кремль и Москву-реку. Ради денег, конечно. Надо же его на что-то содержать. Сам он теперь ничего не зарабатывает. Да и вообще беспомощный как ребенок.

– А раньше?

– О, раньше он был большим человеком. Официально – конструктором, а неофициально – создателем альтернативной идеологии. – Женщина посмотрела на Жанну со снисходительной улыбкой, показывая, что не ждет от нее понимания, поскольку когда-то и сама ничего в этом не понимала, пока ей толком не объяснили. – Тогда ведь жили в странном, загадочном обществе, устроенном по неведомым законам. Называлось все это социализмом, да еще развитым, но только называлось, не более того. Вы не застали, но я-то застала. Прекрасно помню, что в официальную чушь никто уже не верил, но замены ей не было. Поэтому в верхах не знали, куда поворачивать оглобли и что нас ждет. Вот и ставили эксперименты в лабораторных условиях: то Рерихи, то русский космизм, то Святая Русь. Николай предлагал свой вариант, и к нему прислушивались, его очень ценили. В Кремль не раз приглашали и на Старую площадь. У него был персональный автомобиль, и эта квартира, и прекрасные возможности для работы... Но потом все рухнуло, и случилось худшее – то, чего никто не ждал и не планировал в нашем плановом-то хозяйстве. Одно хорошо: квартиру я вовремя приватизировала и хоть что-то за нее получила. Николай же со своими идеями оказался никому не нужен, выброшен из жизни и превратился в бомжа.

– Зачем же вы его отпустили? – Жанна без приглашения села на топчан, покрытый безрукавкой, – села с такой уверенностью, что женщина робко на нее взглянула, словно сама ждала от нее подобного приглашения.

– Поссорились из-за чего-то. А кроме того, таких насильно не удержишь. К тому же он полагал своим долгом разделить судьбу соотечественников, оказавшихся на улице.

– Хотите чаю?

– Чаю?! – изумилась женщина. – А... вы... даете понять, что хозяйка здесь – вы. – Ее голос снова стал западать, словно клавиша. – Хочу. Но учтите, что у меня столько же прав, как и у вас, и это я могла бы угощать вас чаем.

– Какие церемонии!

– Вы чем занимаетесь?

– Шоферу. Цветы развожу по торговым точкам.

– Это заработок. Вы, наверное, миллионерша.

– Напрасно улыбаетесь. Свой куш имею. На каждой точке мне отстегивают за качественный товар. Если вам понадобятся розы, обращайтесь ко мне. Вам – со скидкой.

– Благодарю. Учту.

Женщина сняла со спины рюкзачок, как будто обещанная скидка позволяла и с ним почувствовать себя увереннее и на глазах Жанны достать из него принесенные вещи.

Жанна мигом метнула взгляд, отследила это намерение.

– А что у вас там? – спросила она равнодушно, будто бы без всякого интереса.

– Так... кое-что... – Женщина словно усовестилась: клавиша упрямо западала.

– Для Николая?

– Для моего бывшего мужа.

– Он же не в тюрьме, чтобы носить ему передачи. Знаете, что я вам скажу? – спросила Жанна, чтобы легче было высказать то, чего та явно не знала. – Знаете, что? Знаете?

Она словно перекладывала перед собой с места на место невидимые предметы.

– Ну, скажите... – Женщина вздохнула так, словно каждый предмет был ей отлично виден и не вызывал ничего, кроме скуки и уныния.

– Вы не тратьтесь и больше ничего такого не приносите.

– Какого такого? – Женщина не желала понимать значение слова, которое Жанна, напротив, слишком хорошо понимала.

– Такого, как у вас в рюкзачке. – Жанна взяла рюкзачок, продела руки женщины в лямки и повесила ей на спину, после чего удовлетворенно оглядела ее, оценила со стороны и добавила: – Теперь я буду тратить на него деньги. Это моя альтернативная идеология.

Глава тринадцатая Правительство ценит

...И тут откуда-то из толпы вынырнул бледнолицый, с подсиненными обводами вокруг глаз, столбиком морщин на бескровном лбу и морковно-красным затылком – ее англичанин. Впрочем, англичане не выныривают, а выносят себя как некую драгоценность, требующую бережного, аккуратного обращения, а главное почтительности к себе и самоуважения, поскольку кого же англичанину уважать, как не самого себя. Ведь все прочие в лучшем случае туземцы, а то и вовсе – мартышки. И лишь они одни – англичане, даже если и осквернятся, оскотинятся, вынырнут или приползут на карачках, что, конечно, случается редко или почти никогда. И это почти – им в выслугу и заслугу, как орден, как потомственное дворянство, как высшее право в первых рядах приветствовать королеву и салютовать от имени народа – всех тех, кто толпится в задних рядах...

Вот он и вынес, водрузил себя, как статую на пьедестал, прямо перед Жанной. Она куда-то спешила, но тут углядела, себя слегка осадила, словно норовистую лошадь, попридержала, замедлила ход: англичанина же не каждый день встретишь, а тем более знакомого, хотя и не лучшим образом себя проявившего. Но то забыто, поскольку теперь у нее это, заслонившее все остальное. Поэтому англичанин (кажется, Патрик или Рональд) – лишь повод для любопытства, для двух-трех беглых вопросов, не требующих обстоятельного ответа, поскольку вопрос то задать еще можно, а выслушивать ответ – пощадите, избавьте, скука смертная...

– Патрик, how are you? – Все, что помнила по-английски (итальянский давался лучше), из личного общения, хотя могла и добавить: «I am fine. Thank you», но это уже лишнее, на что-то претендующее, похожее на беспомощную попытку доказать, что она о нем не думает и не вспоминает. А тут и доказывать нечего, поскольку она – без всяких попыток – не думает и не вспоминает.

– Спасибо за вопрос. Я вполне удовлетворен обстоятельствами своей жизни. – Какой чудовищный русский. Патрик явно по этой части сдает. Вот что значит – лишиться ее опеки и надзора.

– Я рада это засвидетельствовать. – Эдак и сама русский забудешь, с таким-то ученичком.

– Ну, а ты как? Как твой рыцарь, против которого я применил летальное оружие?

Ах ты, сволочинушка! Свой баллончик вспомнил. И еще пригрозил: мол, применил и еще раз могу применить, если понадобится.

– Рыцарь отлежался, отчихался и теперь в порядке.

– У нас бы после такой дозировки никакие врачи не спасли бы.

– Шутишь.

– Ну, немного шучу...

– Не очень удачно.

– Извини. А в прошлом он был инструктором? – Кажется, Патрик намеренно оговорился, чтобы у нее был повод его исправить.

И она исправила:

– Конструктором.

Он сразу за это ухватился (невинное любопытство):

– И что же он изобретал?

– Электрические утюги.

Он прикрыл ладонью рот, сдерживая вежливый смешок.

– Оценил, оценил твой юмор. Шутница. Может, в кафе посидим? Угощаю.

– Ты, наверное, и столик заказал.

– Крайний в дальнем углу.

– Неспроста. Хочешь что-то выведать? Получить информацию? За информацию надо платить.

– Назови сумму, и в какой швейцарский банк тебе перечислить. До конца жизни хватит.

– А если без шуток?

Отняв ладонь ото рта, он внимательно разглядывал ухоженные ногти.

– Хочу узнать по старой дружбе, чем он сейчас занимается. Зачем книги по дворам собирает?

– Разведка обеспокоена? Передай, что разрабатывает новое секретное оружие.

– Точка-тире-тире-точка. Передал.

– Тогда можно и в кафе.

Они заняли те же места, где Жанна обычно сидела с Лаурой. Может, поэтому он спросил:

– Как твоя подруга? Жениха нашла?

– Она и не искала. Ей хватает Петрарки.

– О, Петрарка! Я тоже любил Италию. Я столько по ней путешествовал. Видел в оригинале всего Микеланджело. Восхищался, слезы лил от восторга. Но теперь мне, признаться, грустно и за Италию, и за всю Европу.

– Это почему же?

– Вырождается. Выживает из ума старуха. Впадает в маразм. Что он об этом говорит? Часом, не собирается ли ее спасти? Боюсь, безнадежное дело. Европе нужен хаос, и спасти ее может только большая война. Как он считает?

– Ему бы нас самих спасти.

– А надо ли?

– А кого ж тогда?

Он горячо зашептал:

– Слушай, передай ему. Переселяйтесь к нам. Наше правительство его ценит. Хватит вам мыкаться по дворам. У вас будет все. Деньги, положение, условия для работы. Все, что хотите.

– А то, чего не хотим, тоже будет? – Жанна не позволила ему долго думать над ответом и улыбнулась, словно ни в каком ответе не нуждалась.

– Не понимаю.

– А ты поразмысли. Может, поймешь, – сказала она так, словно не нуждалась и в нем самом со всеми его посулами.

Глава четырнадцатая

За чаем

Жанна как вошла, так на нее сразу и повеяло: гость. У Полинки Сакс в комнате гость, которого та (не просто так!) – принимает. Иначе бы не улыбалась Жанне такой беглой, отсутствующей, половинчатой улыбкой, словно другая половина была предназначена тому, кто находился там, за стеной, в комнате, и по всей вероятности пил чай (запах чая разливался по всей квартире). Значит, сейчас и Жанну представят гостю и посадят рядом с ним за стол. Или напротив, чтобы лучше видеть друг друга и обмениваться знаками внимания. Интересно, кто это? Сосед? Для соседа слишком много церемоний. Новый знакомый с бульвара? Да, скорее всего. На скамейке бульвара чаще всего знакомятся. «Разрешите присесть? Я вам не помешаю?» – «Сделайте одолжение». Что ж, Жанне тоже надо будет улыбнуться и суметь продержаться с этой улыбкой как можно дольше, лишь бы лицо не затекло (ох, не любит она гостей). При этом похвалить чай и постараться поддержать застольный разговор. Разговор обо всем сразу и при этом – ни о чем. Такие разговоры быстро увядают и никнут, поэтому надо ставить подпорки: погода, театр, книги. Нет, о книгах она теперь говорить не будет. Ни с кем. Молчок. А про все остальное – можно. Жанна приготовилась ко всему, и вдруг уже перед самым порогом комнаты (Полинка Сакс ее называла гостиной) на нее снова повеяло: принц!

За столом сидел тот самый принц, о котором поведала Полина Георгиевна. Принц – проповедник буддизма на бульваре в Чертанове. Под балдахин и в окружении свиты. Он сидел прямо (благородная осанка), неподвижно, величественно и с участием смотрел на Жанну, не предпринимая никаких действий, пока не последует знак от хозяйки, распорядительницы церемонии.

– А это моя Жанна, она мне как дочь, – сказала Полина Георгиевна, и поскольку Жанна при этом не села, то принц тоже встал и поклонился.

Обоим стоять было неловко, но никто не решался сесть первым, пока хозяйка сама не усадила обоих.

– Ты представляешь, после сегодняшней проповеди я пригласила Его величество на чай, и он согласился подняться сюда вместе со свитой. Но у меня оказалось так тесно, что свиту пришлось отпустить. – Полина Георгиевна рассказывала об этом как о забавном случае, хотя было заметно, что теснота в квартире ее немного угнетает. – А Жанна у нас специалист по розам. Знает все названия роз по-итальянски.

«Куда ее понесло! Какие розы!» – ужаснулась Жанна и умоляюще взглянула на свою старшую подругу.

– О! – выразил свое восхищение принц. – Я изнемогаю по Италии. Или изнываю. Как правильно?

– И так и так, – элегантно выкрутилась Полина Георгиевна. – Главное, чтобы было понятно и не очень длинно. У вас прекрасный русский язык.

– Общежитие. – Принц назвал источник своего знания русского языка. – Я настояль, чтобы жить со всеми в общежитии.

– Как это мило! И как мудро! Вот что значит погружение в языковую среду. – Не зная, как продолжить свое рассуждение о среде, Полина Георгиевна решила вернуться к началу разговора и не совсем удачно спросила: – Вы много раз там бывали?

– Где? В общежитии? – Принц уже благополучно забыл, с чего начался разговор.

Полинька Сакс принужденно рассмеялась.

– Нет, в Италии. В Италии, конечно.

– О, да! Но последнее время там стало более хуже, вы не находите?

– К сожалению, я в Италии не была, – призналась Полина Георгиевна с легкомысленной беспечностью, позволявшей сделать вывод, что она не слишком жалеет о том, что не была в Италии. – В наше время туда не слишком охотно пускали. Эти райкомы, собеседования... Сплошная морока!

– А вы? – обратился принц к Жанне, из вежливости не оставляя вниманием хозяйку дома.

– А я была, – бесстрашно соврала Жанна.

– Когда ж ты успела? – зловеще зашептала (зашипела) ей на ухо Полина Георгиевна.

– Мне о ней рассказывал один человек.

– Этот твой италья?.. – Полина Георгиевна осеклась и закрыла рот ладошкой, чтобы из него не вылетел неуместный вопрос.

– Нет, один необыкновенный человек.

– О, в России есть необыкновенные люди! Я хотел бы знакомиться. Это моя мечта – встретить необыкновенного человека. Такого, как Будда. И пойти за ним.

– Тем более что Будда тоже был принцем. – Полинька Сакс демонстрировала знания, полученные на бульварных проповедях.

– Позвольте благодарить вас за ваше уточнение.

– Да, но ваша мечта о встрече... – Полина Георгиевна тревожно переглянулась с Жанной. – Боюсь, это будет не совсем удобно.

– Почему? Что есть в этом неудобного?

– Видите ли, Ваше высочество. – Полинька Сакс старалась быть дипломатичной. – Раньше необыкновенные люди были наверху, а теперь ушли вниз, в подвалы, котельные, ямы. Это не каждый выдержит.

– Все равно я хочу встретиться, – сказал принц, ставя свое желание выше всех противоречащих ему доводов. – Я изнемогаю по необыкновенным людям.

Глава пятнадцатая

Рядовой

Жанна ко многому привыкла и была готова, но этого совершенно не ожидала. Да и кто мог ожидать, что Николай так рассердится. Она ведь только намекнула, когда рассказывала о принце и его заветной мечте встретить необыкновенного человека: вот, мол, есть один необыкновенный, и выразительно посмотрела на Николая (правда, тотчас опустила глаза), но принцу то даже имени не назвала. И ни о какой встрече с ним, естественно, не договаривалась. Как она могла, не спросив! Но Николаю и этого оказалось достаточно, так его задело, укололо, оцарапало. Мало сказать, рассердился – разбушевался, осерчал, вознегодовал, стал кругами ходить по комнате, отшвыривая стулья (и без того сломанные). И, разумеется, посыпались упреки:

– Как ты могла такое сказать! Необыкновенный! И это про меня! Про того, кто все бросил, ото всего ушел, забился в тараканью щель, поселился в этом подвале, лишь бы со всеми сравняться, всем уподобиться, стать таким, как множество других. Так знай же, усвой раз и навсегда: я самый обыкновенный, заурядный, такой как все. И не смей меня называть иначе.

Жанна долго молчала, давая ему высказаться, – молчала даже тогда, когда и он замолчал. И лишь затем безучастно сказала:

– Ты не заурядный, а... рядовой.

Николай поначалу и не понял, что она в это вкладывала (поняла ли сама Жанна?).

– Что значит рядовой?

– Это значит, что ты стоишь в строю. Стоишь, руки по швам, готовый выполнить приказ.

Он задумался.

– Ну, пожалуйста, если тебе так нравится.

– Да, мне нравится, нравится. Я же не говорю, что ты главнокомандующий. Нет, ты рядовой. – Ее лицо осунулось, а голос дрогнул от обиды.

Николаю стало ее жалко и досадно, что позволил себе вспылить.

– Хорошо, хорошо, я согласен.

Именно то, что он с ней согласился, отняло у Жанны последнюю способность сдерживаться, и она расплакалась. Расплакалась, ненавидя себя за это и ругая последними словами.

– Ну, прости, прости... – Ему стало ясно, что надо не соглашаться, а каяться и просить прощения. – Я последний дурак.

– Нет, это ты прости. Но что я могу поделать, если я такая дура, если я тобой восхищаюсь и горжусь.

– Я не заслужил. Вот уж чего не надо, так это мной гордиться.

– Нет, надо! – Тут уж Жанна рассердилась, дала себе волю. – Надо! Ты необыкновенный человек!

– Вот пожалуйста. Снова! – Хотя она назвала его необыкновенным, теперь, после ее слез, он уже не мог на нее сердиться. – Что ж я такого необыкновенного сделал?

– Ты? Ты предсказал день своей смерти. – Жанна сама удивилась, что это сказала, и посмотрела на него вопросительно, с опаской: не промахнулась ли?

Он был вынужден признать, что не может ей возразить.

– Это многие предсказывали. И мудрецы и поэты. – Посмотрел куда-то в сторону.

Тут она осмелела.

– Ты можешь простоять на коленях полдня, держа в руках Евангелие.

– Ага, ты за мной подглядывала.

– Случайно так получилось.

– И что еще я могу?

– Ты любишь меня. – Она сосредоточенно вдевала пуговицу в петельку на платье.

– Для этого усилий не требуется. Тебя нельзя не любить.

– Меня-то? Еще как можно. Спроси, кого хочешь. А ты любишь. Вот тебе и усилие. Только, если можно, – она вынула пуговицу из петли, – отодвинь этот день, предскажи его годика на три позже.

Глава шестнадцатая

Два садовника

С принцем Ниронгом Жанна и Николай подружились после того, как тот побывал у них несколько раз. Побывал один, без свиты, одетый по-простому, но с бирюлевским шиком, по его собственным словам. «Моя одежда есть бирюлевский шик», – произнес он с гордостью во время своего последнего визита, однако при этом поглядывал на них не без смущения и некоторой опаски, поскольку чувствовал себя неуверенно и ждал совета: не перебрал ли он со своим хваленым шиком? Николай и Жанна сразу поняли, что вопрос деликатный и тут очень важно не ошибиться, правильно на него ответить. Поэтому они дружно заверили принца: конечно же, нет, не перебрал, у Вашего высочества отменный вкус. Но при этом постарались

осторожно внушить, что, возможно, его костюму немного вредит излишняя экстравагантность и некоторые детали не совсем сочетаются друг с дружкой.

«Какие?» – спросил принц Ниронг так, словно желал узнать имена преступников, которым намеревался тотчас отрубить головы.

Пришлось мягко и деликатно указать ему на некоторые погрешности. К примеру, черные кожаные брюки с шипами и тяжелые ботинки на высокой шнуровке – это, скажем так, одно. А пестрый платочек на шее и ремень с узорной пряжкой – совсем другое. И то, что подходит для кладбища, мрачной обстановки могил и склепов, вы простите, Ваше высочество, увы, не совсем годится для пляжа.

Принц выслушал, сначала посчитал, что у него есть явный повод обидеться, поджал карминно-красные губы, насупил оливковые брови, но затем решил не обижаться, а там и вовсе забыл о досадном эпизоде. При этом даже повеселел. Он попросил заварить чай, который принес с собой в фарфоровой ступке, и когда все расселись за столом, стал шутить, смеяться и рассказывать о своей семье. Он изображал в лицах отца, мать, братьев, любимую сестру Нум и – особенно выразительно – Первого министра двора, хитрую лису, интригана, взяточника и казнокрада. Изображал и престарелого мудреца-садовника с глазами кроткой лани и седой тигриной бородкой, умевшего заклинать змей, гадать по руке и открывшего принцу многие сокровенные тайны. Оказывается, в одной из прежних жизней принц тоже ухаживал за садами – теми самыми садами Лумбини, где родился Будда. Он был свидетелем этого рождения – издали видел, как на царицу Майю снизошел небесный свет, и до него донесся первый крик новорожденного.

Услышав об этом, Николай сказал, что ему тоже было открыто: в прежней жизни он служил садовником у Иосифа Аримафейского. Того самого Иосифа, в чьем саду был погребен, а затем воскрес Иисус Христос.

Эти слова поразили принца, произвели на него огромное впечатление. Он на минуту замер, словно от испуга, искажившего его черты, но это выражение стало постепенно смягчаться, исчезать, стираться с его лица и вместо него появлялось – проступало – совсем другое выражение восторга и восхищения. Принц заговорил о том, что их встреча с Николаем не случайна, что им многое суждено и от них многое зависит, способное изменить судьбы мира и преобразить человечество. Николай слушал с почтительным вниманием, к которому обязывало положение принца. Но было заметно, что хотя Николай с ним во многом согласен, разделяет его идеи, он не решился бы их высказать с такой наивной непосредственностью.

Так они просидели до позднего вечера, когда из облаков выплыла огромная сиреневая луна, осветившая подвал струящимся светом, и Жанне было странно видеть их вместе: Николай, одетый как бомж, и принц в кожаных брюках с шипами, с пестрым платочком на шее. И, оказывается, оба по прежним жизням (в прежние жизни Жанна остерегалась особенно-то верить, хотя к рассказам о них прислушивалась) – садовники, засвидетельствовавшие величайшие свершения земной истории, рождение Будды и воскресение Христа.

Глава семнадцатая

Старушка

Жанна приехала к Полине Георгиевне внезапно, не предупредив ее по телефону, не захватив с собой ни лекарств, ни хлеба, ни картошки. Это означало, что ей срочно надо поболтать, – иными словами, поговорить о чем-то очень важном. Полинька Сакс это сразу угадала по глазам, сама ничего не сказала – только вздохнула, оставляя за собой второе слово и терпеливо выжидая, когда Жанна произнесет первое.

– Был у нас принц Ниронг, угощал необыкновенным чаем, – сказала Жанна и почувствовала, что об этом ей говорить совсем не хочется.

– Все у тебя теперь необыкновенное. Ладно, о принце после. Кстати, к нему скоро приезжает на побывку сестра – маленькая принцесса Нум. Но об этом после, после. – Полина Георгиевна с раздражением перебила сама себя. – Выкладывай, что там у тебя. Умирает твой суженый, что ты ко мне примчалась?

– Да, умирает. – Жанна легко согласилась с тем, что было труднее всего себе представить, но все же поправила: – Вернее, скоро умрет.

– Господи, что такое? Заболел? – переполошилась Полина Георгиевна.

– Нет, но ему иногда кажется... у него такое предчувствие, что через год, семнадцатого августа он умрет.

– А сегодня у нас какое? Я в этих числах вечно путаюсь.

– Как раз семнадцатое.

– Так ведь через год же. – Полина Георгиевна решила, что это слабое утешение. Считая, что Николай все-таки заболел (во всяком случае, эта версия была самой внятной), спросила:

– Кажется, или врачи предсказывают?

– Он сам себе врач и предсказатель.

– Ну, милая моя, – пробасила Полина Георгиевна, – сроков никто не знает. Лишь один Всевышний. – Она наставительно подняла фиолетовый (от просвечивающих сквозь морщинистую кожу вен) палец.

– А он знает.

– Нет, нет, не бери в голову. Оставь. Лучше подумай, как бы не влюбился он в эту маленькую принцессу. Ха-ха. Такое бывает... Мой муженек тоже... когда-то... влюбился. Ха-ха. – На втором смешке Полинка Сакс закашлялась.

– Пускай влюбляется. Я буду только рада. Лишь бы еще пожил, – сказала Жанна тихо, вовсе не заботясь о том, чтобы кашель не заглушил ее слова.

– Что ты там шепчешь? – Полина Георгиевна, не расслышав сказанного, приблизила ладонь к уху.

– Я говорю: пускай.

– Влюбляется-то? Ну, конечно. Дай ему волю. Он совсем из дома уйдет.

– Да какой у него дом...

– Ты же сама хвалила...

– Его истинный дом – старушка в саду Иосифа, – произнесла Жанна, глядя куда-то в сторону и не осознавая собственных слов.

– Какая еще старушка? Эй, ты что говоришь-то? Проснись.

Жанна спохватилась и прикрыла рот ладонью.

– Ой, оговорилась: сторожка, конечно. Сторожка! Хотя, может, и не оговорилась. – Она отняла ладонь ото рта. – Старушка, да еще вся скрюченная, согбенная, как смерть...

– Врешь. В саду Иосифа нет смерти, – гукнула Полина Георгиевна. – И Николай твой не умрет. Все ты врешь.

Глава восемнадцатая

Партийное золото

Лето кончалось, угасало, меркло, и наступила... зима. Несколько дней шел дождь со снегом, а затем еще подморозило, и посыпалась крупа. Это своей безнадежностью уж совсем наполнило ноябрь, но погода все-таки выправилась, и наступила картинная, багрец и золото (классическая) осень. Осень с утренней изморосью, туманами и винно-красным заревом ранних закатов.

В Москву действительно прибыла принцесса Нум – повидаться с братом и познакомиться с его друзьями. Он о них, конечно, и писал, и рассказывал, и все с восторгом, расточаемыми

каждому – и особенно Николаю – безудержными похвалами (принц делал ударение на втором слоге). Вот принцесса Нум и решила если не войти в этот круг, то хотя бы зябко приблизиться к нему, соблюдая заинтересованный нейтралитет, чтобы у нее самой сложилось некое впечатление. А то как же – побывать в Москве и вернуться без впечатлений, которыми можно было бы отчитаться перед родителями (ведь ее поездка – это отчасти инспекция).

По этому случаю был устроен прием, и не где-нибудь, а в подвале, поскольку ни о каких ресторанах, и тем более посольских апартаментах, принцесса и слышать не хотела. Со стороны Николая в торжественном приеме участвовали, помимо него самого, Жанна и Лаура (ее специально пригласили, и она даже по такому случаю отменила занятия языком). А со стороны принца – прежде всего он сам, сестра и несколько безмолвных стражей, которым разрешили присутствовать.

Принцессу привезли на старомодном лимузине, и она с боязливой грацией сошла по выщербленным ступенькам, местами тронутым мхом, в святая святых – подвал. Долго осматривалась, пытаясь сохранить на лице выражение учтвого внимания к чужому жилищу, но как-то не очень оно ей давалось, это выражение, соскальзывало с лица, уступая место паническому страху перед обмотанными войлоком трубами, кранами и задвижками. Лишь вид старенького пианино ее немного успокоил, и она заметно повеселела. Чувствуя, что сказать ничего не может, а молчать невежливо, беспомощно смотрела на брата. Ей казалось, что ее растерянность его компрометирует, но принц благодушно улыбался и был всем доволен – и сестрой, и собой, и окружающей обстановкой (трубами и кранами).

Принцесса так же боязливо раздала всем подарки: бамбуковые сумки, тыквенные домики, травяное мыло в мешочке, кокосовое масло, тайский красный рис и прочую экзотику. Когда ее стали благодарить, она очаровательно засмушалась и покраснела. Все залюбовались ею, так она была мила, маленькая, хрупкая, с миниатюрными ручками, одетая в джинсы и простую рубашку, хотя и с накидкой из тайского шелка. В ушах сияли тяжелые золотые серьги искусной дорогой работы. А волосы, уложенные в сложную прическу, были убраны лиловыми и фиолетовыми цветами.

– Как вам понравилась Москва? – спросила Жанна, и принцесса закивала, словно в этом вопросе уже содержался ответ, который ей оставалось только подтвердить.

– Ей понравилась, но она стесняется, – сказал за нее брат, и по лицу принцессы было заметно, что она понимала по-русски и следила за всеми его высказываниями, чтобы вовремя метнуть в брата негодующий взгляд. – Она у нас умеет петь русские песни, «Березоньку» и «Калинушку». Может, попозже споет под гитару.

– А танцевать она умеет? – спросила Лаура и тотчас улыбнулась принцессе, как бы сожалая, что не обратилась с этим вопросом непосредственно к ней.

– Сестра училась тайским храмовым танцам и уже выступала.

Упоминание о храмовых танцах заставило Николая с особенным вниманием посмотреть на принцессу.

– Ну, что же мы стоим. Давайте сядем. – Он учтиво предложил принцессе специально устроенный для нее из подушек и подстилок трон (иначе бы маленькую принцессу было бы просто не видно).

Все сели.

– Между прочим, сестра привезла с собой водку с коброй и хочет всех угостить. Водка целебная и очень крепкая. – Принц показал всем изящно выделанную бутылку с заспиртованной коброй.

Все долго и благоговейно ее разглядывали.

– А мне ее жалко, – сказала Жанна и отвернулась. – Зачем ее замуровали в этой бутылке? Жила бы себе, грелась на солнышке...

– Ага, и жалила бы всех... – Лаура брезгливо притронулась к бутылке и отдернула руку.

– Мы можем ее воскресить. Вернее, пробудить, – сказал Николай с шутливой угрозой в адрес Лауры.

– Вот уж не надо. Пусть лучше спит. – Лаура отодвинулась от греха подальше.

– Пробудить? А как? – Жанна, напротив, придвинулась поближе к бутылке. – С помощью заклинаний?

– Нет, зачем же... С помощью храмовых танцев. – Николай посмотрел на принцессу, словно она единственная могла его понять.

– Давайте воскресим. Вернее, разбудим. – Жанна повернулась так, чтобы заслонить бутылку от Лауры.

Николай помог принцессе сойти с трона, отвел ее в сторону и о чем-то долго шептал ей на ухо. Затем он открыл бутылку и сделал жест, как бы расширяя круг собравшихся. Принц, Жанна и Лаура отодвинулись от стола. Принцесса стала танцевать, кружась, изгибаясь, вытягивая руки, складывая ладони под подбородком и накрывая ими голову.

Все, не отрываясь, смотрели на бутылку.

– Ожила! Кажется, ожила! – первой вскричала Жанна.

– Да ничего подобного. Заспиртованная змея, как она может ожить, – возразила Лаура.

– Шевельнулась! – Жанна взвизгнула от восторга.

– Глупости...

– Николай, скажи ей. – Жанна наклонилась к Николаю.

– Каждый должен сам...

– А что будет, если она выползет и всех ужалит? – спросила его Жанна.

– Тогда мы умрем со всеми нашими болячками и воскреснем исцеленными. Кто-нибудь хочет попробовать?

– Я, – вызвалась Жанна. – Я хочу умереть.

– Не выйдет, голубушка. Ты нам еще нужна. Тебе не следует увлекаться, – сказала Лаура тоном старшей сестры или школьной наставницы.

– Но я же воскресну.

– Кто тебя знает... Пообещаешь и обманешь.

– Нет, не получилось. Собравшиеся не готовы, – сказал Николай и сделал знак принцессе остановиться.

– Спиритический сеанс не удался. Духи не явились. – Лаура по-своему истолковала слова Николая.

– Что будем делать? – спросил Николай так, словно его единственным желанием было не делать ничего.

– Может, вы нам сыграть? – попросила принцесса.

– А что именно? Марш из оперы «Гибель богов»?

– Это слишком печально. Змея не воскресла, боги погибли. Лучше покажите нам ваше жилище. Мы с принцессой здесь впервые. Скажем, что у вас за этой дверью? Почему она заперта? Там хранится что-нибудь в высшей мере секретное? – Лаура первой снова придвинулась к столу.

– Партийное золото, – сказал Николай с шутливым вызовом, дававшим понять, что он вовсе не шутит.

Глава девятнадцатая Царство добра и веры

На следующий день принц Ниронг позвонил Жанне и стал рассказывать (с горечью сетовать), что сестра ведет себя вызывающе, попросту хулиганит и безобразничает, устраивает скандалы, бьет посуду, швыряет в охрану подушками и громко рыдает, закрыв лицо ладонями.

Такого с ней раньше не бывало: там, на родине, ей не позволяли воспитание, выучка и строгий надзор. Но здесь в Москве... Никакие попытки ее успокоить, вразумить и утешить не помогали. Ей вызывали врача, но она укусила его за палец. Принц сам приезжал к ней, но она даже не впустила его в комнату.

– Что это значит? В чем причина? – обеспокоенно спрашивала Жанна, пытаясь уразуметь и причину случившегося, и то, почему принц рассказывает об этом ей, причем так, словно от нее что-то зависит, она способна вмешаться и помочь.

– Это значит, что сестра... влюбиться. – Принц высказал то, что не высказать было нельзя, несмотря на деликатность темы. – Все признаки налицо.

– В кого? – глухо спросила Жанна.

– Как в кого? – удивился ее вопросу принц. – В вашего Николая, конечно же. Он покориł ее сердце.

Он был доволен, что к месту произнес заученную фразу.

– Она вам об этом сказала?

– Я сам могу догадываться. Я ее хорошо знаю. Все-таки сестра. Вместе росли.

– И чего она хочет? – спросила Жанна у самой себя, не слишком заботясь о том, что ответит ей собеседник.

Но он все-таки ответил:

– Чего хотеть в таком состоянии! Конечно же быть с ним. Я опасаться, что в один прекрасный момент она соберет вещи, наймет такси и приехать в подвал. Навсегда.

– Что я могу сделать?

– Попросить Николая, чтобы он ее образумить, образумевать, образу... – От волнения принц запутался в словах.

– Хорошо, я поговорить с ним. – Жанна сама стала невольно путаться и ошибаться.

Николая она застала сидящим за пианино. Правда, при ее появлении он стал играть «Чижика-пыжика», причем так старательно, с таким скорбным чувством, словно это был марш из «Гибели богов». Жанна встала у него за спиной, накрыла ладонями его руки и произнесла:

– У тебя есть шанс занять высокую должность при королевском дворе.

– Каким образом? – спросил он, не поворачиваясь и не отрываясь от клавиш.

– Воспользоваться глупостью одной юной девицы.

– Какой еще девицы? О чем ты? – Николай все-таки повернулся к ней.

– О том, что принцесса в тебя влюбилась.

– У девочек это бывает. Пройдет.

– Какой ты скучный. Я же не зря сказала про шанс... У тебя есть грандиозный шанс.

Подумай.

– Грандиозный? – Николай и вправду задумался. – А-а! Ты предлагаешь мне занять тайский престол и создать государство, где будут царить добро и справедливость, вера и любовь.

– Размечтался. Хотя да... именно это я и предлагаю.

– Ах, если бы, если бы...

– К тому же у тебя есть золото партии. Ты можешь пустить его в дело.

– Перспектива заманчивая, но Родина меня не поймет. Да и языковой барьер к тому же.

– Тогда найди способ ее успокоить, а то она весь дом перевернула. Или твоему самолюбию льстит, что из-за тебя сходит с ума такое юное создание?

– У меня нет самолюбия.

– Ну, нечто его заменяющее...

– А ты сегодня царапаешься.

– Это потому, что боюсь тебя потерять. Это вызывает во мне страх, отчаяние и ярость.

– «Ярость по поводу потерянного гроша». Сочинение Людвиг ван Бетховена.

– Ты не грош, а я не Бетховен, – сказала Жанна, закрывая крышку пианино так, что он едва успел отдернуть пальцы.

Глава двадцатая Призрак Манагуа

Теперь о том французе, лысеющем с висков (Жанна любила во всем последовательность). Он внезапно возник, обозначился, появился, подстерег ее у цветочного магазина: вид умоляющий, почти жалкий, словно что-то ему надо. И очень надо, позарез, иначе бы он так не суетился, не оглаживал маленькие волосатые ручки и не похлопывал ладонями, словно аплодируя неведомо кому (новый жест в его репертуаре).

– Шеф меня обязал. Вызвал к себе и потребовал, поставил мне условие. Шеф! Не выполнить я не могу. Как это не выполнить? Будет катастрофа. – Он снова кому-то усиленно зааплодировал. – Только ты мне можешь помочь, дорогая. На тебя вся надежда.

– Теперь я снова дорогая... – Жанна усмехнулась, усмехнулась нехорошо, не по-доброму.

– Всегда была, всегда была... – запел он. – Дай пальчики поцелую. Ох, даже подмышки вспотели. Извини, скотский запашок, амбре...

– Ничего, я стерплю. Какое условие-то? Ну?

– Кошмарное. – Он сблизил ладони, но на этот раз не дал им соприкоснуться и издать хлопок. – Найди ему эмигранта.

– Какого эмигранта? О чем ты, Сидор?

– Не Сидор, а сидр, я бы сейчас выпил яблочного сидра. Ведро бы выпил и тебя угостил.

Поясняю: эмигранта современного русского...

– Русских эмигрантов надо искать у вас в Париже, дядя.

– В том-то и штука, в том-то и штука, дорогая. – Он мелко, частыми дробными хлопочками зааплодировал. – Эмигранта внутреннего.

– Как это так?

– Я же говорю – штука! Штукенция. Этот эмигрант никуда не эмигрирует, живет здесь, но при этом ему все чуждо, противно, можно сказать об-рыд-ло, – выговорил он с трудом, – поэтому он ничего не принимает, ни в чем не участвует...

– А разве такие есть?

– Голубушка, есть или нет, но мне надо, чтобы он был. Надо! Иначе с меня шеф семь шкур спустит и голым в Африку пошлет. И это, учти, в буквальном смысле. Вместо Москвы – какая-нибудь Манагуа. Там и впрямь догола разденешься, такая жара.

– Ладно, подумаю. А что мне за это будет?

– Верну тебе полушубок, который отняла моя малышка. Кстати, мы давно расстались – имей в виду...

– Неужели меня обратно возьмешь? Насмешил. Насмешил ты меня...

– Так я надеюсь.

Глава двадцать первая По Шпенглеру

Господин Жак был доволен разговором с Николаем. К счастью, разговор не затянулся и занял всего минут сорок, а как истинный француз господин Жак отчаянно скучал, если деловые встречи затягивались и, что самое ужасное, отнимали время от обеда или вынуждали отложить назначенное свидание. Слава богу, этого не произошло. К тому же, благодаря откровенности собеседника, он достиг своей цели: убедился в существовании русского эмигрантского подполья. Чего стоит один этот подвал с жуткими трубами, напоминающий Бастилию. Теперь

господин Жак мог смело писать об этом отчет для газеты, заказавшей ему материал на первую полосу, и параллельно – справки во многие заинтересованные ведомства, занимающиеся сбором подобной информации.

Кроме того, ему было чертовски приятно побеседовать с этим клошаром – опустившимся типом, которому не откажешь в живости ума, вкусе к самым рискованным парадоксам и интеллектуальном блеске. Собственно, везде есть клошары – и в Париже, и в Риме, и в Берлине, – везде. Но чаще всего они не поднимаются выше полуживотного существования и просто тупо бездельничают, ничего в это не вкладывая, но у этого – о-го-го! – есть философия. Да, своя философия, знаете ли. И это кажется тем более отрадным при общем интеллектуальном и духовном вырождении России. Россия, которую Шарль де Голль называл некогда вечной, похоже, забыла о вечности и стала потворствовать вкусам нового класса мещан и мелким, сиюминутным, низкопробным запросам оболваненной толпы. Культура опустилась до уровня ресторанной obsługi. Нынешняя духовная пища России – та, которую блудный сын пожирал в корыте вместе со свиньями (господин Жак уже смаковал фразы своей будущей статьи).

Собственно, это и заставило Николая стать клошаром и уйти во внутреннюю эмиграцию. Он сам в этом откровенно признавался. Смутили господина Жака лишь некоторые промелькнувшие у него высказывания... вернее, даже недосказанности. Нечто смутное и туманное о судьбах Европы и будущем западной цивилизации – недосказанности явно не для газет. Они-то и требовали уточнения, смягчения и корректировки, а господин Жак был на этот счет мастер, умел слегка повернуть, немного сгладить и придать пристойный вид самым острым, вызывающим суждениям.

Поэтому он слегка затянул прощание с Николаем, помедлил перед тем, как окончательно пожать ему руку. Он еще раз огляделся, нагибаясь под низкими сводами, прислушался, как булькает вода в трубах, любезно улыбнулся этой женщине по имени Жанна (жене, любовнице, секретарю?) и – дабы был повод вернуться к начатому разговору – осторожно спросил:

– Извините, мой вопрос деликатный: могу я предложить вам немного денег? Разумеется, в счет гонорара, который я получу за публикацию нашей беседы.

– Денег? – переспросил Николай несколько рассеянно, словно до конца не осознавал, о чем речь. – Ну, пожалуй, пожалуй... хотя я в них не особо нуждаюсь. Так, по мере надобности...

– Еще раз извините. На какие же средства вы живете?

– На все золото мира. – Николай похлопал ладонью по стенам, словно они были выложены из чистого золота и должны были издавать мелодичный звон, но почему-то не издавали.

– Вы шутите? – спросил господин Жак вместо того чтобы рассмеяться, как обычно смеются шутке.

Заметив, что его ответ не удовлетворил гостя, Николай немного поправился:

– Ну, если угодно, на золото партии. Вообразите, что я волею случая оказался его тайным хранителем.

– Воображаю. Очень интересно. Об этом можно написать?

– Валяйте.

– Благодарю. Так какое будущее вы предсказываете... предрекаете Европе? – Господин Жак посмотрел на Николая с лукавым озорством, отдавая дань юмору, с которым тот чуть ранее уже высказался на эту тему.

– Европе? Да, собственно, ее уже и нет, Европы-то. Брюссель, что ли, Европа-то? Или Берлин? Ха-ха-ха! Европа снова похищена, только похитители другие, из-за океана...

– Ну уж, ну уж... Может, вы не будете столь категоричны? Все-таки есть имена...

– Имена, которые приобретают значимость лишь при их произнесении. Не больше того...

– Хм, остроумно замечено. Однако позвольте с вами не согласиться. Конечно, у нас свои сложности, прежде всего эти беженцы, будь они неладны... но все-таки мы живем.

– Нет, вы уже не живете...

– Как же это, позвольте? Вы меня удивляете... даже смешите... Вот я перед вами стою, руки есть, ноги есть и голова на плечах. А ведь я европеец. Пока еще, слава богу, не труп. Или вы так не думаете?

– Я вообще стараюсь не думать. Смотрите-ка, уже закат... – Николай стал приглядываться к узкому подвальному окну, окрашенному вечерним багрянцем. – День-то и пролетел...

– Ах, это нечто иносказательное, по Шпенглеру, как я понимаю, хотя в оригинале его книга называется несколько иначе, и никаких закатов там нет. А то всем тут, видите ли, полюбился этот закат...

– Не особо-то и полюбился. Я, к примеру, оплакиваю Европу. Стенаю и лью горькие слезы.

– А Россия? Разве в России лучше? Только не читайте мне Тютчева...

– Не буду.

– Что не будете?

– Читать Тютчева. Вы же просили...

– Ну, прочтите, прочтите, если вам хочется. Я потерплю.

– Нет, сейчас читать нельзя. Надо выждать. Сейчас не то время.

– Да что у вас тут происходит? Объясните, наконец. Что происходит в России?

– Нулевой урок, – произнес Николай так, как будто после этих слов оставалось лишь проводить гостя до двери и попрощаться с ним.

Глава двадцать вторая Воскресший Наполеон

Не понимая, что происходит с Николаем, Жанна ни о чем его не спрашивала, а лишь жадно всматривалась в него, когда он был чем-то занят (хотя на самом деле его ничто не занимало) или сидел на топчане, покрытом безрукавкой, отрешенно куда-то глядя, и этого не замечал. Всматривалась и старалась понять, изо всех сил старалась и тогда находила ответы, но находила как бы глазами: вот у него глубокая морщина по всему лбу, плотно сжатые губы, потухший взгляд, поникшие плечи, опущенные уголки рта. Осознать же умом все равно не могла, поскольку не находила причину для того, что она могла бы назвать хандрой, апатией, упадком духа. Не могла тем более потому, что Николай сам никогда не признавал никакой хандры, никакой апатии, никакого упадка и ее призывал к тому же. И Жанна послушно следовала этим призывам, старалась ему угодить своей покорностью, и вот получалось, что она, следовавшая, оказалась более стойкой, чем он, призывавший. Этого быть не могло, поэтому она и предпочла удовлетвориться тем, что просто чего-то не понимает, но это удовлетворение было мнимым и не избавляло Жанну от тревоги, навязчиво преследовавшей ее.

В конце концов она смирилась с тем, что ничего не понимает, и отбросила попытки понимания, а вместо этого решила действовать. Решила и тотчас растерялась, поскольку не знала, что и как ей делать. Единственным осмысленным и разумным действием было – поехать к Полине Георгиевне, все ей выложить-рассказать, а уж там как получится. Может быть, Полинька Сакс ей что-нибудь подскажет, посоветует и объяснит.

Полина Георгиевна встретила ее с тем же внимательным, выжидающим взглядом, который не позволял ей сказать о своем (хотя у нее тоже наболело) и уступал право на высказывание Жанне.

– Что, поболтаем, как всегда? – спросила она, придавая привычный смысл выделенному голосом слову. – Что у нас там? Что-нибудь с ним произошло?

– Ничего. В том-то и дело, что с ним ничего не происходит. Стоячая вода. – Жанна застыла без движения, словно и сама оказалась по горло в стоячей воде.

- Может, он думает?
- Он всегда думает, но сейчас это нечто другое.
- Тоска? Депрессия? Упадок духа? Мировая скорбь?
- Я могу сказать, что тоска или мировая скорбь, но мне это ничего не даст, а тебе не объяснит. Мне надо решить, что делать.
- Увези его куда-нибудь. – Полина Георгиевна стала продуть носик чайника, закупоренный пробкой из скопившихся чаинок, – продуть, искоса поглядывая на Жанну.
- Он не согласится. – Жанна достала чашки.
- Оставь его на время одного.
- Будет только хуже.
- Ага, тогда вот что! – Полина Георгиевна сполоснула кипятком чайник и насыпала свежей заварки. – Скажи, что ты его разгадала, что он воскресший Наполеон, Петр Великий или какой-нибудь святой, к примеру Николай Чудотворец.
- Зачем?
- Чтобы его озадачить, вызвать недоумение, встряхнуть.
- Не поможет.
- Тогда развлеки его каким-нибудь простым, элементарным способом.
- Каким именно?
- Придумай. Или, в конце концов, посоветуйся с Лаурой. Она у тебя на выдумки хитра. Больше они ничего друг другу не говорили и чай пили молча.

Глава двадцать третья

Кукольный театр

- В тот же день Жанна позвонила Лауре, и та (ее вдруг осенило) ей подсказала:
- Кукольный театр. Помнишь, у твоего итальянца, который не хотел на тебя тратиться, был кукольный театр?
 - Ну и что?
 - Пригласи его.
 - Зачем?
 - Чтобы он устроил для Николая спектакль. Пусть его куклы дубасят друг дружку по голове и орут истошными голосами.
 - Ты считаешь, это его развлечет?
 - Не знаю, развлечет или нет, но он хотя бы из вежливости улыбнется, а там глядишь и развеселится.
 - Как-то я в это не верю.
 - Не веришь, потому что ты сама засохла от тоски. А ты возьми и попробуй.
- Жанна разыскала, вызвонила по старым записным книжкам своего итальянца, долго его уговаривала, уламывала, упрашивала и наконец все-таки упростила его дать спектакль в подвале. И лишь только она собралась загадочно, с интригующей улыбкой, полунамеком поведать об этом Николаю, как услышала от него:
- Не надо. Поблагодари его и скажи, чтобы не приезжал.
- Жанна обомлела от удивления, закашлялась и широко раскрыла глаза.
- Откуда ты знаешь?
 - У тебя на лице все написано.
 - Ты и впрямь Николай Чудотворец. Так тебя зовет моя Полинька Сакс.
 - Ну, до Николая Чудотворца мне далеко. Кишка тонка.
 - Тебя что-то тревожит? У тебя мировая скорбь? Почему ты перестал собирать по дворам выброшенные книги?

– Потому что все это иллюзии и мечты. Никакого сакрального могущества книгам уже не вернуть. Вздор! А мне пора собираться.

– Куда? – спросила Жанна, впервые за долгое время услышавшая, что он куда-то собирается.

– В булочную за хлебом, – ответил он и так же впервые за последний месяц улыбнулся.

Глава двадцать четвертая

Эпилог

Николай умер ровно через год, но не семнадцатого, а девятнадцатого августа: он ошибся на два дня. В разговоре Жанны с Полинькой Сакс эта ошибка была истолкована так, что Николай все же не провидец, не святой, хотя Жанна не раз порывалась, как говорится, причислить его к лику.

– Да, моя милая, и ты, пожалуйста, не спорь и не перечь. Терпеть этого не могу. Не святой, а поэт, и, ты уж мне поверь, это не хуже. Читала бы побольше книг, то и сама знала бы: не хуже, не хуже.

Умер Николай в Боткинской от странной и редкой болезни – воспаления легких. Странным оно оказалось потому, что его не сразу распознали (признаков особых не было), поздно спохватились и потому запустили. Как ни старались врачи, спасти Николая не удалось.

На похоронах, помимо Жанны, были обе его жены (со второй – Варварой Никитичной – Жанна до этого познакомилась: простая женщина, баба в домотканом платке), Полинька Сакс, Лаура Фокина, принц Ниронг. Маленькая принцесса, его сестра, специально прилетела на похороны из Бангкока.

После похорон поминали Николая в подвале. Буба сжалился, разрешил, хотя подвал уже был сдан в аренду другим бездомным.

Через год Жанна вышла замуж за принца: то-то было разговоров в Бирюлеве, то-то судачили, судили и рядили. Молодожены улетели в Бангкок и забрали с собой все собранные Николаем книги (книг было так много, что их пришлось отправить грузовым рейсом). Жанна на правах принцессы стала жить во дворце, среди золота, серебра, драгоценных камней и невиданной для Бирюлева роскоши. Жанне отвели свои покои с резным бюро на гнутых ножках, огромной кроватью под балдахином, принц назначил ей высокое содержание, но она держалась учтиво, скромно и тихо, на себя почти ничего не тратила. Много читала и накопленные деньги собиралась потратить на свою заветную мечту – Царство добра и справедливости, которое когда-нибудь будет создано – если не в России, то здесь, на тайской земле или где-нибудь по соседству, в Мьянме, Лаосе или Малайзии.

Наталья, Наталия и Натали

Звали их одинаково, и в школе они сидели всегда рядом: двое на задней парте и одна на передней, причем свободное место рядом с ней не разрешали занять никому. Многие девочки пытались подсаживаться – и Арцибашева, и Кузовлева, и Мндоянц, но на них шипели, как гуси, щипали, кололи карандашом, кулачками буравили спину и наконец выталкивали непрошеную гостью.

Выталкивали потому, что иначе имена переставали быть одинаковыми, а из-за этого все распалось. Поэтому зачем им Екатерина, Алина и Гаянэ! Натальи и только Натальи – в этом секрет их дружбы. Иначе они, может быть, и не дружили бы. Даже наверняка не дружили бы, поскольку не раз уже ссорились, враждовали, готовы были сцепиться и исцарапать друг дружку от злости.

Сначала из-за любимой учительницы, к которой конечно же ревновали, а затем из-за мальчиков, если, к примеру, двоим дурехам нравился один. Скажем, Козырев, Машков или Плущер-Сарно, и тогда они друг дружке не спускали. Одна нарочно заслоняла его спиной, чтобы другая (соперница) не смотрела. Отпихивала ее, чтобы не стояла рядом и не млела, словно спелая малина под теплым морозящим дождем. И даже якобы в шутку душила, отчего та закашливалась и долго не могла отдышаться.

Да, случалось и такое, поскольку слишком уж не совпадали характеры. Но имена обязывали. Имена заставляли все прощать, держаться вместе и не изменять давней дружбе.

К десятому классу все дружбы в их классе распались, но только их сохранилась. Хотя им и нашептывали: «Несчастные! Неужели не понимаете! Глупо и нелепо дружить из-за того, что у вас одинаковые имена». Им, повзрослевшим, и самим иногда так казалось. Но они не сдавались. Поэтому и прозвали их Три Натальи, хотя в дальнейшем выяснилось, что имена – при всем своем сходстве (одинаковости) – все-таки разные. И выяснилось во многом благодаря любви, уже не школьной, придуманной, а взрослой и настоящей.

Встречались подруги чаще всего на даче у Натальи. Так уж было заведено, что там же справляли день рождения хозяйки – 27 сентября. Но на этот раз Наталья пригласила их раньше, за неделю. По телефону (на даче был телефон еще со времен деда, генерал-майора) так и сказала: «В этот раз пораньше. Не по случаю даты. Просто посидим. Погуляем по саду. Желтыми листьями пошуршим». И все поняли: раз уж им предлагают шуршать, – значит, дело швах. Происходит то, что генерал-майор назвал бы сдачей позиций, и день рождения уже не тот праздник, который хочется отмечать.

А сентябрь был сух и прозрачен. В воздухе плавали белесые паутинки. Бабочка-шоколадница между стеклами рамы то засыпала, то вновь просыпалась, согретая солнцем. Оса, засахаренная вместе с вареньем, постепенно окукливалась и превращалась в мумию. Утром бывало так тихо, что если у кого-то бубнило радио, то на весь поселок – до самой станции. К полудню еще припекало, над крышей старого дома едва заметно парило, хотя по ночам выбеливали гряды заморозки.

Соседние дачи пустели, и если на окнах не висели щиты, просматривались насквозь. Хозяева запирали калитки и уезжали в Москву. Только старики не сдавались, перекапывали по десять раз огород, жгли костры из сухих листьев и в урочный час выходили за калитку нести караульную службу – ждать, когда привезут баллоны с газом.

Вот и Наталья одна-одинешенька (мужа и дочери вечно не было рядом) бродила по участку, по дому, поднималась на балкон, прикидывая, как лучше принять и угостить подруг. При этом исподволь внушить им, что она, генеральская внучка, хоть и не справляет очередной день рождения, но еще не сдает позиций.

I

... Нет, лучше так, как они любили когда-то, во времена молодости. Не за накрытым в гостиной монстром, устрашающим дубовым обеденным столом на девять персон, привезенным дедом из поверженной Германии и прозванным Орангутангом. Собственно, сначала так прозвали другого монстра – трофейный дубовый буфет с массивными дверцами, выдвижными ящиками и хитрым приспособлением – бутылью для шнапса, из которой можно налить лишь одну рюмку за день. Но буфет разохся и развалился (ни один мастер не брался починить – даже столяр Генштаба Прохор Васильевич, носивший звание майора). И тогда прозвище перешло на стол, доставленный прямехонько из бункера Гитлера, как шутил дед. Не накрывать же его для трех персон, хотя персоны помнили Орангутанга с детства и привыкли за ним обедать (Наталии он особенно нравился). Чтобы доставали до тарелок, им подкладывали диванные подушки и тома Шекспира, и если они болтали ногами, то сползли со стульев и оказывались под столом. Или, как говорилось, в своем домике, где жили они сами и чужие ноги...

И все-таки принимать их теперь лучше не за столом, нет, а по углам – случайным уголкам, уголочкам. Можно даже на высоких табуретах в мастерской Андрея. На этих табуретах он рассаживает натуру для портретов. Сам-то стоит за мольбертом, и нужно, чтобы лица были на уровне глаз. Поэтому табуреты такие высокие – сразу и не заберешься. Приходится либо подпрыгнуть и плюхнуться задом на круглое сиденье, а затем, шевеля ягодицами, устраиваться поудобнее, либо поставить ногу на обод, скрепляющий ножки, осторожно оттолкнуться, чтобы не повалить табурет (и самому не сверзиться вместе с ним), плавно, как некую драгоценность, перенести собственное тело и сразу принять удобную – пристойную – позу. А уж там пускай он поправляет, как ему вздумается, как подсказывает его творческий каприз: «Спину выпрямить, голову чуть правее...» Пускай – на то он и художник, служитель муз. Правда, последнее время все больше смахивает на блаженного, хотя и с хитрецей...

Да уж такие мы блаженные, опростившиеся – нас не тронь. Мы постигаем Божественный План Спасения. Поэтому картин почти не пишем, а на диване лежим, обложившись книгами духовного содержания. Уповаем на Израиль, как на манну небесную. И ждем, когда жена из магазина полные сумки притащит с зеленью, помидорами и стрелками лука. Приготовит, позовет и накормит.

Или пропадаем целыми днями неизвестно где. Говорим, что обмываем с друзьями продажу картины венецианскому дожу (итальянскому коллекционеру), а сами катаем на лодке в парке неизвестных особ женского пола (издали не разглядеть, кого именно, но свидетели есть). Да и особа-то – простушка (пастушка, потаскушка), иначе бы не польстилась на такое развлечение: покататься на лодочке. Умора! Была бы до визгу счастлива, если бы и на гармошке ей сыграли.

Вот и сейчас Андрея дома нет. С утра и след простыл. Просила остаться, помочь, но он ни в какую. У него, хитреца, теперь на все один ответ: не запланировано. Иными словами, не соответствует Божественному Плану.

Однако наплевать. Нам сейчас не до того – не до хитростей. Мы, наоборот, стараемся о них напрочь забыть. Поэтому нам с подругами можно устроиться хоть на подоконнике: ах, эти широкие довоенные подоконники, можно в футбол играть! Правда, последнее время угрожающе поскрипывают, но троих-то как-нибудь выдержат. Впрочем, можно и на верстаке, за которым дед любил строгать и пилить, сравнивая себя со стариком Болконским (у него как русского военного культ Льва Толстого).

А лучше всего, однако, притулиться на ступеньках лестницы, лишь бы там нашлась не слишком надежно припрятанная (горлышко призывно выглядывает) бутылка пятизвездочного и какая-нибудь закуска вроде брынзы, маслин, ломтиков лимона, пронзенных шпажками. И

тогда можно будет перемещаться – кочевать из одного уголка в другой, как кочевал избранный народ под предводительством Моисея (Наталия, кажется, наполовину из этих самых избранных, хотя почему-то не признается). И в каждом уголке находить если не пятизвездочный, то трехзвездочный (три звезды тоже ярко сияют). И если не ломтики лимона, то перезрелый крыжовник или сливы из сада, хотя их без стремянки не достанешь: деревца, посаженные когда-то, вымахали выше сарая и роняют спелые плоды (а может, и слезы) прямо на крытую местами шифером, местами толем или проржавевшим железом крышу.

Ну, и помимо слив – какой-нибудь сюрприз, заранее приготовленный подарок из ряда «пустячок, а приятно». Не божественные итальянские туфли, какие носила Беатриче, и не китайскую собачку, как раньше, во времена первичного накопления капитала, а хотя бы духи-чулки-конфеты. Простушка Натали обожает сюрпризы. Непременно захлопает в ладоши и самозабвенно зажмурится от восторженного удивления: таких и удивлять-то приятно. Наталия же, гордячка, сделает вид, что она ничего другого и не ждала, что все потуги ее удивить ей известны заранее, ею запротоколированы и внесены в реестры. И вообще, скучно жить на свете, господа...

Эту фразу она вычитала – понятно, у Гоголя. Хотя могла бы и у Пушкина, и у Достоевского: наши любят писать о скуке жизни. Наталия же обожает скучать. Как сказал о ней один общий приятель: гордыня и уныние. Точно! И гордыня выражается в том, что никогда не позволит назвать себя Натальей. Нет, она, видите ли, Наталия, и все тут. На Наталью же не соизволит отозваться. Мимо проследует, презрительно плечом поведет, натягивая за концы вязаную шаль, и не обернется. И уж, конечно, не простит тому, кто ее унизил. Век будет помнить. Еще и отомстит, пожалуй, – найдет способ уколоть, ущипнуть, пробуравить кулачком спину, как в школе буравили тех, кто, непрошенный, занимал место на передней парте.

II

По какому поводу встреча? Можно догадаться. Догадаться по последним событиям в семействе Облонских, то бишь Устиновых, у которых тоже все смешалось, пошло наперекосяк и вряд ли теперь образуется. Поэтому и повод грустный – грустнее не бывает. Дача генерал-майора бронетанковых войск Устинова ушла с молотка. Сами виноваты: не надо было по уши влезать в долги, да еще связываться с банком. Молоток она видела – деревянный бочонок с ручкой. На выпуклой крышке бочонка аккуратно наклеен вырезанный из фланельки кружок – для смягчения удара.

Не оглушительное крэк, а глуховатое тук.

Хотя для них это удар не смягчило. Молоток-то видела, а вот кто новый хозяин, выложивший за дачу кругленькую сумму и заставивший всех прочих заткнуть рты, она и не знает. Сейчас богатства свои напоказ не выставляют, поэтому, разумеется, купил через подставное лицо. А сам нежится где-нибудь на Гавайях, пересыпая из ладони в ладонь – струйкой – горячий песок. Банкир! Воротила! Финансовый магнат! Впрочем, что гадать, если ничего уже не изменишь. Остается лишь одно: смириться с потерей и уж очень-то не отчаиваться. Как учил дед, воевавший в Китае – сводить крупные неприятности к мелким, а на мелкие не обращать внимания. Мудро!

Вот и позвала подруг, чтобы с дачей навек распрощаться. Без лишних слез, без бабьих стенаний. По-мужски – тем более что всем пришлось хлебнуть лиха с той поры, как процесс пошел, по словам Комбайнера, а затем Панимашь его ускорил. К тому же она распродала весь этот дачный хлам и надеялась: может, подруги что-нибудь купят. Да она бы и бесплатно отдала – только бы своим, в хорошие руки. Тот же самый стол Орангутанг – берите. Будет память о деде, который вас девчонками на колени сажал и свои списанные генеральские фуражки на вас примерял (фуражка болталась на голове, и козырек доставал до подбородка).

Память обманчива и так быстро все смывает. Мемориальную доску на доме в родном селе Устиновка разбили, памятный бюст на бронзовом постаменте трактором выворотили. Будь он Устинюком – сохранили бы. Вон братец его быстро паспорт поменял на Устинюка и живет припеваючи. Ходит кум королю – этаким лихой бандеровец: любого москаля шашкой зарубит. Но дед паспорт менять никогда бы не согласился. Хоть на Украине родился и вырос, считал себя по отцу москалем, русаком, русским. Русским и в могилу лег – там, на Украине.

Наталья к нему на могилу когда-то часто ездила, но потом перестала. Противно. Дядя Петро, младший брат деда, хоть и на войне не был, приписывает все победы себе. Чуть ли не сам он Берлин брал и флаг над Рейхстагом водружал. Да и соседи на нее, москалиху, волками смотрят: быстро им всем мозги задурили.

Хотя подруга Наталия (не зря она на передней парте одна восседала), послушавшись вражьего эха, западнцев поддерживает, нас же виноватыми считает. В чем именно, от нее не услышишь, но любви мы ей только виноватыми, осмеянными, посрамленными – иными она нас не признает. Уверена (свято убеждена), что самый великий срам еще ждет нас с Крымом, незаконно отторгнутым и самочинно присоединенным. И уж конечно же туда ни ногой. Вот в Киев переселилась бы охотно, если бы дали квартиру на Крещатике, а от Крыма нос воротит. Наталья однажды пригласила ее по наивности в Ялту. Так за это получила такую отповедь – аж во рту пересохло и руки задрожали. Едва помирились потом, и то лишь по старой дружбе: ни одна не поступилась своей правотой...

Эх, не поссориться бы теперь снова. Поэтому разговор о Крыме не заводить. Помалкивать, а если что, изображать глуповато-наивное удивление: «Симферополь – это где? В Африке? Или Латинской Америке?» И все попытки Наталии высказаться так, чтоб эхо было на весь дачный поселок, безжалостно пресекать. Не давать ей распалиться: «Лучше поговорим о любви!» Не для того они собираются, грузди в лукошке, чтобы митинги устраивать и покрышки жечь.

Впрочем, кто груздь, а кому и грусть, и прежде всего конечно же ей, барышне Наталье Поцелуевой, в девичестве Устиновой...

Ш

Заморосил дождь из маленького розового облака, похожего на птицу, раскинувшую крылья. Побарабанил по опрокинутому ведру, вымытому после того, как с ним ходили за грибами, потенькал по звонку велосипеда, пошелестел орешником, окружавшим террасу, и сразу затих.

Первой пожаловала Натали.

Только у нее могла так оглушительно хлопнуть калитка, которую она никогда не придерживала, а распахнув как можно шире, с силой отсылала назад. Отсылала так, чтобы от пушечного выстрела дрогнули колья забора и воробьи тучей поднялись в воздух.

Наталья вышла ей навстречу в своем балахоне, скрывавшем неумолимую и беспощадную полноту, и помахала рукой, дожидаясь на крыльце, пока она просеменит (протанцует) по едва намокшим от дождя оранжевым кирпичам садовой дорожки. Но до конца (до последнего кирпича) не дождалась, а уступив ей крыльцо, сама зашла на террасу, чтобы вся сентиментальная церемония произошла уже там.

Зажгла на террасе свет: уже вечерело, и самое время было зажечь. Хотя можно и не зажигать, но раз зажгла, так зажгла. Натали вступила на террасу, как адмирал вступает на палубу корабля. Разве что не откозыряла. Подруги обнялись и расцеловались. После этого Наталья позволила себе подруге не то чтобы откровенно рассмотреть снизу доверху (как любит Наталия – этак еще и сощурился и поднесет к глазам очки), а так... окинуть быстрым, мгновенным, заинтересованным взглядом.

Натали ничуть не изменилась – все такая же миленькая, здоровый сельский румянец, на вид все те же двадцать пять. По случаю выезда на дачу нарядилась в матроску. И наушнички в ушах – как у глупой девочки. И ногти покрыты ядовито-зеленым лаком. Если бы не руки, натруженные, жилистые, покрасневшие от всяких порошков, покрытые сыпью, то и не скажешь, что уборщица. Моет полы, чистит унитазы, драит раковины. Но и это ее не портит. Она ведь маленькая, а маленькие с возрастом не пухнут и не расплываются. Напротив, лишь немного скрадываются, истончаются, подсыхают, но не меняются.

Все такие же куколки.

К тому же Натали непосредственная. Ничего не таит, не прячет, всем чувствам дает выход: то всплакнет, даже повоет, то расхохочется. То истерику разыграет, да так мастерски, что невольно поверишь – актриса! А то манеры начнет показывать, жеманиться, глазки закатывать – фрукт! И свою Натали ни на какую Натку, Наташку, Наталку – будьте уверены, – не променяет.

Хотя, если надо, прикинется и Наталкой, и Наткой, и кем угодно...

После объятий и поцелуев, слишком пылких для того, чтобы сразу начать разговор, осмотрительно помолчали. Затем для приличия вспомнили свою старую, довоенную школу в Трубниковском переулке (все трое жили на Арбате).

– Я там недавно была – ничего не узнать, – сказала Наталья, призывая не столько этому удивиться, сколько признать, что странно, если б все было иначе.

– А я все собираюсь побывать, как иной раз на кладбище, да откладываю...

– Ну, уж ты сравнила – школу с кладбищем.

– Да она и есть кладбище. Почти все наши учителя померли – и физик Рашид Хамедович, и ботаник Иван Васильевич, и историк Борис Натанович. К тому же меня там никто не любил. Вернее, любила одна уборщица тетя Жанна. Вот я собираюсь и переносу. А если раз перенесешь – это уже верный признак... – Натали не заботилась о том, чтобы все договаривать до конца, – не заботилась в расчете, что ее и так поймут, но Наталья на этот раз почему-то не поняла.

– Признак чего?

Натали фыркнула.

– Того, что вряд ли когда-нибудь побываешь...

– Ах, да! Ну конечно!

– Мне кажется, ты о чем-то своем думаешь... Или ты мне не рада. Тогда зачем приглашала?

– Ну что ты! Конечно рада! – поспешила заверить Наталья, стараясь избавиться от некоего замешательства, хотя это ей никак не удавалось.

– А помнишь, как в тебя был влюблен завуч Никита Фомич? Он, кстати, еще жив. – Натали великодушно поспешила ей на помощь.

– А в тебя физрук Борис Борисыч. Мы его еще Бобиком звали.

Снова помолчали. Наталья (любительница шахмат и прочих мудреных игр) сочла, что уже можно использовать домашнюю заготовку.

– А я тут случайно нашла клад, – сказала она с расчетом на то, что впечатлительная и всему верящая Натали округлит глаза, замрет от сладкого ужаса и воскликнет: «Да ты что?! Неужели?!»

Но та лишь слегка улыбнулась, явно уступая подруге право быть впечатлительной и доверчивой.

– И что же за клад?

– В ящике кухонного стола, под старой клеенкой. Помнишь, ты у меня однажды убирала, а я тебе не все заплатила под предлогом... ну, да это не важно.

– Стоп. Какой же предлог?

– Да, господи... сказала, что поистратилась.

– А сама?

– А самой открытка пришла из мебельного. Вот и собирала по крохам. А ты что допытываешься?

– Да так, просто любопытно. Ты меня тогда голодной оставила: ни копейки не было. Недаром несколько ночей таджик снился, накрывающий ладонью тубетейку с золотом. На тебя, подруга, надеялась.

– Ну, прости, прости... – Наталья притянула к себе Натали (рука лежала у нее на плече). Но та не очень-то поддалась, вывернулась к ней боком, и пришлось искать место, куда поцеловать (дружески чмокнуть).

– Что ж, рассказывай дальше. Повествуй. – Натали явно была чем-то удручена, раздосадована, иначе бы Наталья обиделась.

Но та стерпела – лишь вздохнула и продолжила повествовать (обидное словечко):

– Потом все хотела вернуть, но мы долго не встречались, и я, если по-честному, забыла. А тут выдвигаю ящик стола, а там, под клеенкой, пожелтевший конверт с надписью: «Натали за уборку». Так что получай. – Наталья протянула ей конверт.

Та равнодушно, без всякого интереса повертела его в руках. Из конверта выпала, завертелась волчком и закатилась под стол монета, но Натали за ней даже не нагнулась. Не нагнулась и все же спросила:

– Долг-то с процентами возвращаешь?

Наталья слегка растерялась.

– С процентами? А ты какие берешь?

– Шучу, шучу, – успокоила ее Натали.

– Слава богу, а то я подумала, что ты теперь... – Наталья по-девчоночьи прыснула в ладонь, – крутая.

– Круче не бывает.

– Ты по-прежнему убираешь? А то у меня тут соседи спрашивали...

– Скажи, что по-прежнему. Только у них сбережений не хватит, чтобы со мной расплатиться. Я теперь в долларах беру.

– Бедняжка ты моя. – В заверениях подруги Наталья усмотрела признак ее незащитности и отчаянной непрактичности. – В долларах она берет. Дай я тебя расцелую.

На этот раз Натали поддалась, и подруги вторично расцеловались.

IV

Посидели на подоконниках и по рюмочке выпили из охотничьей фляжки, припрятанной за портьерой. Наталья хотела налить еще, но не лилось: нечему было литься. Поболтала – пусто. Удивилась такому безобразию, но тотчас вспомнила, что эта фляжка бросовая – в ней было всего на доньшке. Зато есть еще одна, наполненная до половины и тоже припрятанная в укромном месте. Она взяла Натали за руку и повела к верстаку, за которым когда-то толстовствовал дед. Поискала глазами и извлекла из-под брезентовой рукавицы фляжку. Отвинтила крышечку и разлила по рюмкам.

– За что пьем? – спросила Натали беззаботно, чтобы это не выглядело так, будто она ставит подруге в упрек, что первый раз выпили просто, без всякого тоста.

– Давай за деда.

Наталья хотела вдобавок рассказать про разбитую мемориальную доску и вывороченный бюст – рассказать, пользуясь отсутствием их общей подруги Наталии. Но не стала – подумала, что не время, не тот момент.

Поднялись на второй этаж – по ступенькам. Натали, уже немного захмелевшая, кое-что углядела и подмигнула:

– Пятизвездочный? Будем здесь пировать?

– А чем плохо? Будем...

Тем не менее на ступеньках пить не стали – решили дожидаться Наталию. Наталья пригласила Натали в мастерскую мужа.

– Вот здесь он творит.

Приоткрыв перед Натали дверь, она готова была ее сразу закрыть, если подруга не воспользуется приглашением и не проявит к мастерской особого интереса.

Но Натали проявила, и не позволяя двери закрыться, сама взялась за ручку и осторожно протиснулась в мастерскую.

– Я ведь здесь ни разу не была...

– Как это не была? Ты шутишь.

– Да, везде была, а здесь – ни разу.

– Можно подумать, что для тебя это святое и потому запретное место. – Из всех возможных причин Наталья с неким загадочным умыслом выбрала самую невероятную.

– Как ты сказала – святое? – Натали призадумалась. – Может быть...

– Садись, подруга, на этот табурет. Водружайся. Только он высокий, не упади...

– Лучше я постою.

– Садись, садись.

Натали осторожно – даже благоговейно – поставила ногу на обод. Затем слегка оттолкнулась и перенесла свое маленькое, легкое тело на круглое сиденье табурета. Табурет даже не качнулся.

– Твой Андрей мне рассказывал, что такие же табуреты будут на предварительном слушании.

– Каком еще предварительном слушании?

– Ну, когда Господь будет проводить первое дознание, он посадит всех на такие табуреты. Это очень удобно: можно всем смотреть в глаза.

– И когда же это будет? – спросила Наталья лишь потому, что было бы невежливым оставить сказанное без внимания.

– У каждого свой срок. Впрочем, Андрей говорил, что вся наша жизнь – предварительное слушание.

– Он тебе такое говорил?

– Ну да, говорил, когда катал меня в лодке по озеру.

Наталья просияла.

– Ах, вот оно что! Интересненько! И как поучительно! Заставляет о многом задуматься! Значит, он тебя катал!

– Конечно, меня. Кого же еще! Ведь я подруга его жены. К тому же убирала у вас на даче...

– А я-то вся извелась... Всех в уме перебрала. Оказывается, это ты. За что же тебе такая привилегия?

Натали не сразу высказала то, что могло оказаться верным лишь при особом внимании к ее словам.

– За то, что я много терпела. Вот он у тебя блаженный, а я терпеливая.

– Уж и не знаю, у кого он теперь – у меня или у тебя. Только учти: он хоть и блаженный, но...

– ... С хитрецей, ты хочешь сказать? Это не хитреца. Это посрамление себя и мира – нечто похожее на юродство.

– Эка, куда хватила! С чего бы это ему себя и мир-то срамить?

Вопрос заставил Натали с жалостью посмотреть на подругу, словно бы внушая, что лучше бы она об этом не спрашивала.

– А с того, что болен он. Подозревают у него...

– Постой, постой. Что же это у него подозревают?

– А то самое...

– Рак?

– Да, рак.

– Господи, я же догадывалась, догадывалась. Только гнала от себя... Но, может, это лишь подозрения? У многих же подозревают, а затем оказывается, что напрасно.

– Он знает, что не напрасно. Он себе диагноз уже поставил.

– Почему же он от меня скрывал, а тебе признался?

– Потому что ты – Наталья, жена, близкий ему человек, а я – никто, Натали, домработница. Правда, здесь, в мастерской, я не убирала. Но весь дом был на мне.

– И как же теперь быть? – Наталья обвела взглядом мастерскую, мольберт, повернутые к стене холсты, диван, на котором любил лежать муж, – обвела, стараясь свыкнуться с мыслью, что на все это теперь надо смотреть другими глазами.

– Ждать Израиля. Вот он и ждет...

– Да, он это часто повторяет. Но я до сих пор не понимала. Теперь-то мне ясно: клинику в Израиле? Клинику?

– Нет, самого Израиля.

– Снова не понимаю. Впрочем, пусть он ждет. А я дождусь Наталию и попрошу ее помочь с клиникой. У нее есть знакомые. Она не откажет.

Наталья помогла подруге слезть с табурета, и она снова спустились на террасу.

V

– Во второй фляжке еще осталось? – спросила Натали безучастно – так, словно вспомнила, что о чем-то собиралась спросить, но не была уверена, надо ли спрашивать.

Наталья так же не была уверена, надо ли отвечать. Поэтому она долго молчала, но все-таки решила ответить, хотя подруга уже не ждала ответа. Или делала вид, что не ждала.

– Кажется, осталось. Ос-та-лось, – произнесла Наталья куда-то в сторону, словно думала совсем о другом.

Натали вдруг поперхнулась, закашлялась и покраснела. С извиняющейся улыбкой исподлобья взглянула на подругу. Во взгляде угадывалась мольба. Это заставило Наталью сделать однозначный вывод и спросить напрямую:

– Налить?

Она не скрывала уверенности, что подруга не откажется.

– Не надо. Это я так...

– Тебе же хочется. Я вижу.

– Не надо, не надо. Впрочем, раз начали...

– Сейчас я принесу...

Наталья принесла с верстака фляжку. Поболтала – в ней побулькало. Отвинтила крышечку и разлила по рюмкам.

Натали держала свою рюмку так высоко, словно собиралась произнести тост. Затем взяла ее в другую руку и опустила пониже. Затем поставила.

– Знаешь, подруга...

Наталья не услышала.

– Что? – Она, не отрываясь, смотрела на дверь террасы.

– Знаешь, мы можем сами обо всем договориться. Без всякой Наталии. – Ей казалось, что Наталья снова ее не слышит, но та слышала, хотя и по-прежнему смотрела на дверь.

– Почему? Все-таки Наталия... свой человек.

Натали без всякого тоста выпила разом всю рюмку.

– Ладно, я тоже свой человек. Я уже обо всем договорилась. Очень опытные врачи. Его положат. И билеты взяла на самолет. Прямой авиарейс.

– Как?!

– Не буду сейчас объяснять. После...

– Андрей не согласится. Он пожертвований не принимает.

– Уже согласился.

– Господи, за моей спиной! Что вокруг происходит?!

– А происходит то, что его надо спасать. Причем срочно. Не теряя времени.

– А меня вы совсем отстранили? И, кстати, откуда у тебя деньги?

– Считаю, что все устраивается за счет твоего долга.

– Смеешься?

– Не смеюсь, а люблю. И тебя люблю. И мужа твоего люблю. И вашу дочь Дарью. Как она, кстати? – Натали потянулась к фляжке, но Наталья ее отодвинула.

– Меня любить не за что. Так что вы правильно сделали, что без меня все слюбились. Дарья же... – Она отодвинула фляжку еще дальше. – А почему ты о ней спросила?

– Мне показалось, что тебе хочется... – Натали держалась так, словно чем менее интересовали ее желания подруги, тем легче она их угадывала. – Хочется, чтобы о ней спросили. Разузнали. Я не права?

– Права, права. Моя дочь пьет дешевый портвейн возле магазина со старыми алкашами. Ладно пила бы в своей компании, но с небритыми стариками, у которых глаза слезятся и желтая седина из-под шапок торчит... Фу, противно. Те-то, конечно, в восторге. Добывают ради нее деньги. Всеми возможными способами.

– Алкаши люди верные. Не подведут. Я тоже через это прошла. Даже в диспансере лечилась.

– Боже, ты меня пугаешь!

– Но ведь вылечилась. Дарья же наверняка не просто так пьет. Она для отца собирает деньги. На лечение.

– Так она знает? – спросила Наталья, но подруга не успела ей ответить, поскольку тут и Наталия подросла – поднялась на крыльцо и суховато, острым кулачком, постучалась в дверь террасы.

VI

Сквозь квадратики стекол в переплетах террасы, слегка размытые дождем, было видно, что это именно она, Наталия. Как всегда с короткой стрижкой и в длинной юбке. Белоснежная блузка и маленький черный галстук – в стиле секретарши двадцатых годов. Ее конечно же сразу узнали. Но Наталия продолжала стучать, словно больше полагаясь на то, что ее услышат, чем увидят, словно их способность видеть она не хотела признавать и настаивала на том, чтобы ее слышали – непременно слышали.

– Приветствую тебя, заветный уголок. – Наталия, конечно, не смогла обойтись без фразы. – Я не опоздала?

– Ты пришла намного раньше, – успокоила ее Натали, умевшая упрекнуть и при этом создать видимость, что никого не упрекает.

– Вы без меня часом не начали?

– Ну что ты, что ты!

– А я так чувствую, что кое от кого попахивает... – Наталия нарочно не посмотрела на Натали, чтобы не было сомнения в том, что она имеет в виду именно ее.

– От кого же это? – Натали стала оглядываться, отыскивая источник компрометирующего запаха. – Нет, тебе показалось...

– Девочки, как хорошо, что мы все собрались! – воскликнула Наталья, обязанная произнести эту фразу и посчитавшая, что лучше уж покончить с ней сразу, чем откладывать на потом.

Ее не очень-то поддержали, поскольку фраза была слишком уж ожидаемой.

– М-да... – только и смогла произнести Наталия. – Что же послужило поводом, чтобы нас позвать? – спросила она лишь потому, что неуместность этого вопроса позволяла не опасаться подробного и обстоятельного ответа.

Наталия и в самом деле предпочла пока не отвечать:

– Об этом после. Что у тебя? Как ты?

И лишь только Наталия заговорила, стало ясно, что рассказать о себе – это главное, ради чего она приехала.

– Девочки, можете меня казнить, обезглавить, четвертовать, но я уезжаю в Киев. Решено. Навсегда. Я долго сомневалась: все-таки у меня здесь мать, да и привыкла к Москве, к вам, мои милые. Но все-таки набралась храбрости и решилась. Даже взяла билет. Можем сегодня за это выпить. Я уж точно напьюсь. Вы поражены, сознайтесь?

Наталия ждала восторгов, рукоплесканий и поздравлений, но подруги как-то странно мялись и не столько смотрели на нее, сколько переглядывались друг с дружкой.

– Почему не в Прибалтику? Там тоже нас не любят. – Задавая этот вопрос, Наталия так и не посмотрела на подругу, а, наоборот, отвернулась, чтобы ее не видеть.

– Дело не в том, что не любят, а в том, что я люблю. Люблю Киев, Подол, Андреевский спуск, берег Днепра. Я ведь там выросла. Помните, я в нашей школе – лишь с четвертого класса. А до этого училась в Киеве...

– Врешь! – воскликнула Наталья так радостно, словно сделала счастливое открытие.

– Почему это я вру? – Не оборачиваясь к ней, Наталия окинула ее холодным взглядом из-за плеча.

– Не любишь ты Киев. Для тебя важно, что в Киеве нас ненавидят.

– Как это не люблю, если все мое детство?..

– Не любишь, потому что тебя там дразнили, ругали, оскорбляли, подкарауливали и били. Хотели даже повесить. Из-за этого тебя и увезли в Москву. Ты сама рассказывала...

– Ну, когда это было!..

– И сейчас так будет.

– Хватит. Я решила.

– Решила, а сама боишься...

Наталия собралась возразить, но вместо этого согласилась:

– Боюсь.

– Ну и не надо никуда ехать. Давай я сдам билет. – Наталия протянула руку, словно билет был у подруги в кармане.

– Э, нет. Чего захотела. Не отдам.

– Все равно ты никуда не поедешь.

– Поеду. Поеду, потому что я здесь не могу. Задыхаюсь. Мне все противно. Все мерзко. Мне тошно. – Заметив, что она чем-то испачкала юбку, Наталия стала оттирать ее.

Это позволило всем помолчать. Наталия и Натали следили за ней с участливым вниманием.

– И что же, тебя поселят на Крещатике? – наконец вкрадчивым голосом спросила Натали.

– Пока не на Крещатике, но со временем... – Наталия все никак не могла оттереть.

- Крещатик надо заслужить.
- Заслужим.
- Надо дать интервью...
- Дадим.
- И где же ты будешь жить?
- Между прочим, первое время буду жить в бывшей гостинице Генштаба.
- Разве была такая гостиница?
- Была. Без вывески, разумеется. И довольно скромненькая. Но жить можно.

По неким признакам Наталья почувствовала: подруга куда-то клонит и что-то не договаривает.

- А зачем ты об этом заговорила? – Почему-то она забеспокоилась.
- Догадайся.
- Я догадливой никогда не была.
- Ладно, я подскажу. Возможно, там останавливался твой дед. Ведь он часто ездил в Киев.
- Почему ты решила, что он там останавливался?
- Он ведь знал, что я из Киева. И сказал мне однажды, что я приду на его место.
- Ну, это может означать все что угодно. Дед любил туману напустить.
- Но он при этом добавил, что на этом месте для него все закончится, а я начну все сначала.

– Дед рассуждал философски, как Лев Толстой. Вряд ли он имел в виду какую-то гостиницу.

– У Льва Толстого с гостиницей тоже кое-что связано. И при чем здесь гостиница, мне объяснил твой муж. Гостиница – значит, все мы гости.

- Андрей? Он и тебя на лодке катал?
- Нет, угощал мороженым в кафе. Я ему рассказала, что еду в Киев.
- И как он ко всему отнесся?
- Положительно. Сказал, что Украина – часть Божественного Плана Спасения.

VII

Подруги устроились на высоких ступеньках под запыленным, затянутым паутиной окном, тускло освещавшим лестницу. В паутине висели высосанные пауком мухи и высохшие слепни (окно никогда не открывали).

Натали уселась на самую верхнюю ступеньку, а подруги чуть ниже. Натали вдруг почувствовала, что ей не хочется над всеми возвышаться, и пересела на самую нижнюю ступеньку, но ногам было неудобно, и она встала, прислонясь к перилам лестницы.

Встала, слегка позируя, чтобы подруги наконец заметили, какая на ней миленькая матроска и, главное, как она ей чертовски идет (Наталия ей беззвучно поаплодировала и одобрительно кивнула). Наушники она так и не вынула из ушей, хотя музыка в них иссякла и слышалось лишь шипение.

Наталия достала припрятанный за обшивкой стены пятизвездочный и наполнила всем по рюмке. Наполнила доверху, стараясь не расплескать, и каждому вручила ломтик лимона на шпажке.

Наталия натянула на коленях юбку и сказала:

- Ну, теперь ты рассказывай. Зачем пригласила?
- Пригласила всех затем, что я вас сегодня съем. Проглочу с потрохами. – Наталья расмеялась, счастливая оттого, что все так отчаянно плохо.

– Ну, ешь. Глотай... Начни с меня. Правда, я горькая, как великий пролетарский писатель. – Наталия сама поморщилась от своей сомнительной остроты. – Ну, что там у тебя случилось?

– Яма девочки, глубокая яма, и я в ней сижу по самое горлышко.

– Выражайся яснее. – Наталия выпила свой коньяк и закурила, словно этим восполняя отсутствие ясности.

Наталия разглядывала на свет рюмку.

– Дача ушла с молотка за долги. Вещи продаю, предлагаю соседям. Объявлениями обклеила весь поселок. А вы, подруженьки, берите даром. Все отдаю. Дедово кресло, Орангутанга – все.

– И кто же ее приобрел, дачу-то? Кто покупатель? – Наталия уронила пепел на юбку и поспешно смахнула, словно это была оса, которая могла ужалить.

– Какая разница. Главное, что с завтрашнего дня дача мне не принадлежит. Я здесь больше не хозяйка.

– Зато твой муж будет здесь хозяином, – неожиданно возвестила Натали с веселеньким легкомыслием.

Подруги слегка озаботились сказанным, но не настолько, чтобы придать ему серьезное значение.

– Ты это о чем? – спросили они в один голос, разом повернувшись к Натали.

– О том самом... – Та позволила себе этакий шаловливый жест – прищелкнула пальцами.

– Ну, и как это прикажешь понимать? Или ты на понимание не рассчитываешь? – Наталия повела осторожный допрос.

– Я в жизни все рассчитываю.

– Как это так? – Наталье стало жарко в ее балахоне, и она провела ладонью под тугим воротником.

– А вот так, дорогая. Дачу купила я. Купила и подарила ему. Пусть он здесь живет и постигает свой Божественный План.

– Как это ты купила? Ты, прости меня, нищая.

– А вот здесь ты ошибаешься, подруга. Твои данные безнадежно устарели. Я давно уже не нищая и все пытаюсь тебе это внушить. На это намекнуть. – Натали изобразила намек тем, что приставила к вискам пальцы, как козьи рожки. – Но ты у нас невнушаемая и суть намеков не улавливаешь. Ты слышишь только себя.

– Купила! Боже мой, купила! Это невероятно! Натали купила мою дачу! – Наталия должна была высказать это себе, чтобы затем обратиться к подруге: – Неужели ты разбогатела? На чем же, если не секрет? Или, как там это называется, коммерческая тайна?

– У меня заведение. – Натали придирчиво рассматривала выкрашенные в ядовито-зеленый цвет ногти. – Заведение по уборке квартир. С дополнительными услугами. Массаж и все такое. Ну, и помимо заведения еще кое-что посерьезнее. Не буду распространяться.

– Сидения для унитазов изготавливаешь?

– Почти угадала. Только унитазы хрустальные, а сидения к ним золотые.

– Нет, я не верю. Это решительно невозможно. Тусенька, дай я на тебя посмотрю! – Наталия протянула руки к подруге, словно собираясь принять ее в свои материнские объятия. – Сознайся, что ты все придумала. Нафантазировала.

Натали изобразила из себя глупенькую.

– Я все придумала. Сознаюсь. Тебе от этого легче?

– Легче. Впрочем, не знаю. А если ты подарила ему, то как же я? Он меня теперь выгонит? И будет слоняться здесь один? Неприкаянный?

– Пусть он решает. Вообще присутствие женщин отныне здесь нежелательно. Но уж это пусть он... Если с Израилем все кончится успешно, то лет пять, а то и больше он еще проживет. За это время он должен успеть кое-что важное сделать.

– Но почему План? Почему непременно План? Пусть он пишет картины. Ведь он оставил на чистой палитре тюбик с краской. Он всегда так делает вечером, чтобы утром эту краску выдавить на палитру и с нее начать работать. Вот и на этот раз он оставил. Оставил! Это кое-что значит. Он вернется к живописи, и я не буду ему мешать.

– А мне он признался, что не хочет больше вырезать жучков. – После козких рожек Натали теми же пальцами изобразила усики.

Наталье это ничего не объяснило, и она спросила:

– Каких это жучков?

– Ну, заниматься мелочами – бесконечной отделкой при отсутствии подлинной сути. Андрей вычитал это выражение у одного китайского поэта.

– Да ведь его живопись – это сама суть. Зимние пейзажи, дачные натюрморты, женские портреты...

– Вот именно. Андрей так и говорил: снова пейзаж, еще один натюрморт или женский портрет. И так без конца.

– А как же иначе? На то и живопись – она... – Наталья припомнила когда-то услышанную от мужа фразу – не выдерживает непосильную духовную нагрузку.

– Вот он и хочет ее бросить.

– Ради чего?

– Сколько можно повторять! Ради постижения Божественного Плана. Ради спасения души. Раз ему это явилось, то картины... Впрочем, не знаю. Я свою душу уже благополучно погубила, хотя Андрей меня успокаивает тем, что Иисус никому не отказывал в спасении, даже проституткам. Словом, все так сложно. До меня многое не доходит. Я ведь в школе совсем не училась – не то, что вы, отличницы.

– Вся наша учеба – вырезывание жучков, – сказала Наталия, все это время сама наливавшая себе коньяк.

Натали что-то покрутила, и в наушниках снова зазвучала музыка.

VIII

– Ну, а теперь послушайте меня, девы. – Наталия встала, пошатнулась (даже подломился каблук) и, восстанавливая равновесие, облокотилась о перила лестницы. – Все ваши планы и расчеты – мыльные пузыри. Забудьте о них. Андрей отбывает со мной в стольный град Киев. Адье!

– Ты шутишь? – с безнадежностью в голосе спросила Наталья, прекрасно помнившая, что подруга шутит крайне редко или вообще не шутит.

– У нас с ним все решено. Летим послезавтра. Могу назвать номер авиарейса.

– Час от часу не легче. А Израиль? Лечение? Натали же все устроила!

– Натали? Это ты у нас все устраиваешь, малышка? Давай чокнемся и поцелуемся. – Наталия нагнулась за рюмкой, при этом чуть не упала, но все же выпрямилась, хотя и без рюмки. – Нет, никакого Израиля. Он будет жить в той гостинице. В той самой – для него это крайне важно. Никакая дача, никакие щедрые благодеяния и пожертвования ему не нужны. Зря старалась, милая Натали. Не нужны, потому что для него весь мир – гостиница.

Натали взяла в одну руку свою рюмку, а в другую – рюмку подруги, соединила их с мелодичным звоном и из обеих выпила.

– Ага! Значит, он будет там жить и при этом лечиться днепровской водой? Набирать в бутылочку, пить и делать компрессы? – Натали в изнеможении закатила глаза, изображая, какое блаженство приносят компрессы на днепровской воде.

– Компрессы, компрессы... Компрессы любят бесы, – продекларировала Наталия с намеком на недавнее сочинительство Натали. – Нет, он будет молиться, девы. Коленопреклоненно. В пещерах Лавры. У могил святых старцев. Это его, надеюсь, излечит.

– Бред! Ему нужна операция. – Резким протестующим движением Наталья всколыхнула свой балахон.

Наталия в ответ педантично заинтересовалась, не помялся ли ее собственный тщательно выглаженный галстук.

– Все решено и за все заплачено, – произнесла она слегка в нос оттого, что подбородок пришлось прижать к груди.

– Поздравляю. Ты его наконец-то заполучила, хоть и ненадолго. Дождалась выгодного момента. Впрочем, какой там выгодный момент – звездный час! Триумф! Апофеоз! – Наталья раскинула руки, но при этом ушиблась о стену и стала дуть себе на локоть.

– Я? Разве не ты первая? Еще тогда, когда мы трое поклонялись ему, словно божеству, бегали за ним как собачонки и были готовы носить в зубах его сандалии...

– Я в зубах сандалий не носила. В отличие от тебя. – Наталья вывернула локоть так, чтобы можно было разглядеть, есть ли кровь.

– Нет, ты первая. Ты во всем была первая.

– А ты вечно опаздывала. Боюсь, что и сейчас опоздала.

– Не беспокойся. Успею. До вылета еще двое суток.

– Извини, а Ефимушка с вами едет? – прервала их перепалку Натали – прервала так, что они разом замолчали, а затем в один голос спросили:

– Какой Ефимушка?

– Ну, Ефимушка-книгоноша. Тот, что достает для него богословские книги и дерет за них втридорога.

– А... этот его дружок. Нет, не едет. Зачем ему туда ехать!

– Так не от него ли он бежит? Не от этой ли дружбы? Вернее, этой кабалы? – Наталья снова подула на ушибленный локоть.

– Зачем ему бежать? – Наталия достала из рукава блузки платочек и протянула подруге, чтобы та – вместо того чтобы дуть – вытерла на локте кровь.

– А затем, что я вас сегодня съем. Я же обещала. Я все у вас выпытаю. – Наталья платок не взяла, и подруга спрятала его в другой рукав.

– Да, Андрей стал им тяготиться. Ефимушка взял над ним слишком большую власть. К тому же Ефимушка как хохол проповедует святую Украину, а сам потихоньку крадет и продает его картины.

– И Андрей от хохла бежит в Киев?

– Вот именно. Здесь он бросает лжесвятую Украину, а там ищет истинную святую Русь.

– Очень сложно. Не по моим куриным мозгам. Мне не понять.

– А здесь и понимать нечего, девы. Ведь святая Русь от Киева, а у нас тут со времен Петра и Феофана Прокоповича все заполонила Украина. Во всяком случае, так говорит Андрей.

– Так говорит Заратуштра. Андрей – это наш Заратуштра и Ницше одновременно. – Наталья лизнула кровоточивший локоть.

– Ницше, но только с русской душой. – Наталия почувствовала, что устала стоять, и снова села на ступеньку лестницы.

– Ну вот, еще одна фраза, – сказала Наталья без всякого выражения, словно в ее обязанности лишь входило подсчитывать фразы, произнесенные подругой.

IX

С Андреем первой познакомилась Наталья (так уж ей повезло, посчастливилось). И конечно же не утерпела, сразу проговорила, восторженная дурочка, рассказала о нем подружкам на лавочке Гоголевского бульвара, куда те были вызваны по телефону. Весь рассказ сводился к восклицаниям, млениям и замираниям – словом, сплошной сумбур, из которого трудно было извлечь что-либо мало-мальски внятное и разумное. Тем не менее Наталия внимательно ее выслушала и явно заинтересовалась. Произведя в уме какие-то расчеты, что-то взвесив и прикинув, она произнесла:

– Ладно, нас можешь не знакомить, мы не обидимся, но хотя бы покажи.

Наталье, хорошо изучившей подругу, хватило ума не воспользоваться предложенной ею уступкой. Уж она-то заранее знала, что в противном случае ей не раз напомнят и ее не раз упрекнут: ага, не захотела познакомить, утаила, спрятала свое сокровище от подруг. Поэтому она с вызывающим упрямством настояла:

– Нет, почему же? Я познакомлю. И очень даже охотно.

– Не надо, не надо. А то еще будешь жалеть. – Наталия сделала вид, будто сочла это за одолжение, которое либо не может принять, либо примет лишь в том случае, если ее очень попросят.

Наталья же, раз пообещав, уже не стала брать назад свое обещание:

– Мне даже интересно, что вы о нем скажете. Только, чур, не отбивать.

Наталия великодушно пообещала, что чур может быть спокоен: отбивать у Натальи нового знакомого никто не намерен.

Натали при этом спросила:

– Где же ты нас познакомишь? Может, у тебя на даче? Или там, где твой Андрей обычно проводит время?

Выяснилось, что он проводит время в библиотеках, называемых для краткости Ленинкой, Иностранкой и Историчкой, причем заранее невозможно отгадать, где устраивать на него облаву. И вот им пришлось нестись как угорелым сначала в одну, затем в другую, но по извечному коварству судьбы они застали его только в третьей – в Историчке, которую по своей отчаянной, взвинченной, сумасшедшей (ха-ха!) веселости сразу окрестили Истеричкой.

В полном соответствии с этим наспех придуманным прозвищем состоялось знакомство – суматошное, взбалмошное, бестолковое. Несли какую-то чепуху, жеманились, кривлялись, прикидывались глупенькими, задавали idiotские вопросы: «А что вы читаете? А вам не скучно? А вы, наверное, так много знаете – вам это не мешает?» Тем не менее на следующий день их величествами было заявлено: «Нам понравилось. Желаем продолжить». Наталье пришлось их снова вести. На этот раз начали сразу с Истерички и не ошиблись: он вышел к ним из читального зала. Они вели себя серьезнее, idiotских вопросов не задавали – лишь пригласили его прогуляться по Москве. Он не заставил себя упрашивать, сдал книги, и они весь вечер бродили по Покровке, Чистым прудам, Мясницкой, сидели за столиком кафе, и Андрей пригласил их в свою мастерскую – тут же, неподалеку, подвальчик с лесенкой, мутное окно, паутина, ржавые разводы на стенах.

И дальше все случилось, как в сказке: «Я б для батюшки царя родила богатыря». Иными словами, Андрей показывал картины, Наталья молчала, Наталия хвалила, а Натали возьми и скажи: «А давайте я у вас в мастерской уберу». Попросила ключ, в его отсутствие явилась с ведрами, швабрами, тряпками, мылом, пузырьками. И убралась, вымыла, выскребла, навела глянец: уж она это умела – все засияло. Тут и он подоспел – вокруг небывалая чистота – изумился. Сказал, что неловко себя чувствует – боится притронуться. Денег не взяла, хотя он застенчиво мям в руках конверт.

В общем, Андрей был подавлен ее заботой и благодарен. И что-то у них возникло, иначе бы Наталия так не встревожилась и не зачастила в Истеричку. Заказывала себе горы книг, прилежно сидела, выписывала и ждала, когда же он появится. Но он скрывался в Ленинке или Иностранке, а там хозяйничала Наталья и уж больше такой ошибки не допускала – не рассказывала подругам, сама же его к рукам потихоньку прибирала.

Женился он все же на ней, хотя этому чуть не помешал Ефимушка, тогда уже возникший, рябенький, помаргивающий, свистевший в дырку от зуба, со своими книгами. Носил он длинное, почти до пят пальто, похожее на подрясник. И пахло от него всегда противным земляничным мылом, поскольку работал он на мыловаренном заводе. Поскольку Наталья его терпеть не могла, всякий раз грозилась выгнать (вышвырнуть) вместе с его книгами, явно краденными, из разных библиотек (хотя библиотечный штемпель был аккуратно выведен вареным яйцом), он ей мстил. Из мести пытался отговорить, образумить Андрея: «Только не Наталья! Ни-ни!» Но Андрей не послушал, расписались, и уже вскоре родилась Дарья...

И уж она-то, через много лет, повзрослев, повела войну с Ефимушкой, самую настоящую войну, а заодно – и с подругами матери, чтобы отец принадлежал только ей.

Х

В разговорах с Натальей Ефимушка (он все же признал в ней хозяйку дома и угодливо занял положение на ступеньку ниже) любил повторять: «Дед у тебя генерал, лампасы носил, а я простой солдат. Сапоги да портянки. Я на генеральские почести не зарюсь и командовать никем не хочу». При этом по привычке помаргивал, носом пошмыгивал, скромно опускал кошачьи, с прозеленью глаза и принимал позу полнейшего смирения. Казалось, любой шлепок, плевок, пинок, подзатыльник стерпит, утрется и еще благодарить станет.

Тем не менее Ефимушка – при своем-то смирении – умел все повернуть так, что и почести ему оказывали, и приказы его выполняли. Но приказы особые, словно наизнанку вывернутые. Его, к примеру, всегда оставляли обедать. Приглашение остаться Ефимушка принимал не сразу и с явной неохотцей (то ли сам был чем-то обижен, то ли считал, что на него обижались). И принужденно садясь к столу, всегда просил: «Только вы мне, пожалуйста, ничего не кладите. Я святым духом сыт. Просто посижу за компанию. Умных людей послушаю». Его тотчас принимались уговаривать – хоть что-нибудь да отведать. Приподнимали крышки над фарфоровой супницей (из трофейного сервиза), над сковородами, где томилось жаркое и рыба, и в конце концов хозяйка выбирала для Ефимушки самый лучший кусочек.

При этом она не осознавала, что тем самым выполняла его же приказ, отданный в столь уклончивой – завуалированной – форме.

Андрей во время этой сцены молчал, Дарья же готова была возмутиться, швырнуть вилку, грохнуть стулом, выйти из-за стола, но отец делал ей незаметный для прочих знак, и она, склонив голову, про себя считала до ста, чтобы усмирить свой гнев.

Если Ефимушка засиживался у них допоздна, за окнами уже темнело и возникало беспокойство, как же тот доберется до дома, он всех успокаивал и увещевал: «Пожалуйста, не беспокойтесь. Я как-нибудь доберусь». При этом не мог удержаться и не добавить с насмешливой и в то же время горькой улыбкой: «Доберусь, словно та лошадка у поэта, что плетется рысью как-нибудь. Как-нибудь, знаете ли. Хорошо сказано». И это был генеральский приказ вызвать ему такси, который неукоснительно выполнялся, несмотря на все его заверения, что он не барин, на такси не поедет, и лицемерные протесты. Лицемерные, по словам Дарьи, которая, не дожидаясь окончания препирательств, сама брала трубку и вызывала такси. На ближайшее время (лишь бы поскорее сбегать Ефимушку).

Иногда Ефимушка сам выступал против сложившегося положения, грозившего обернуться его культом. Андрею или Наталье он в таких случаях говорил (наставительно выгова-

ривал): «Домашние нуждаются в вашем попечении – вот о них и заботьтесь, а на меня не обращайтесь внимания. Я из простых и сам простой. Со мной, уж пожалуйста, без церемоний». При этом с некоторых пор стал добавлять: «К тому же я болен и скоро, должно быть, помру».

Конечно, сразу начинались встревоженные расспросы, чем он болен, показывался ли врачу, на что он отвечал с притворным пренебрежением: «Да что там врачи!» Следовали советы, обещания с кем-то договориться, положить в хорошую клинику, устроить консилиум. Все жалели Ефимушку, уговаривали его позаботиться о себе, побережись и хотя бы не носить тяжелое (под тяжелым разумелся набитый книгами портфель). Словом, искали способ облегчить его участь, и лишь Дарья взирала на это с усмешкой и всегда выговаривала:

– Ничего, пускай тащит. Ему полезно.

Все напускались на нее:

– Как ты можешь! У тебя нет ни капли жалости.

Она же отвечала на это:

– Какие вы наивные! Да поймите! Он же старается за наш счет избавиться от болезни и передать ее нам. Смотрите, теперь кто-нибудь из нас наверняка заболеет.

С ней, конечно, не соглашались:

– Ах, какие глупости! Прекрати! Ну что ты выдумываешь и фантазируешь!

Но к всеобщему удивлению Дарья оказывалась права, и кто-то в семье непременно заболел: Наталья – ангиной, ее престарелая мать (она тогда еще была жива) – обострением гипертонии, сама же Дарья – воспалением легких или каким-нибудь загадочным головокружением, из-за которого врачи лишь разводили руками, не зная, какой поставить диагноз.

Перед болезнью Андрея (как вспомнила потом Наталья) Ефимушка особенно ныл, охал и жаловался. Дарья тогда не выдержала и устроила ему скандал:

– Замолчите! Сколько можно! Вы хотите нас всех погубить!

Ефимушка принял это с обычным смирением – как хулу и напраслину.

– Видимо, пора убираться. Что ж, простите. Спасибо за гостеприимство. Век буду помнить.

И как-то быстро-быстро подхватил свой портфель, свился, скрутился, стал как-то скрадываться и исчез.

Бросились догонять. Не догнали. Но, видимо, приказ уже был отдан, и Андрей принял на себя насланную болезнь.

XI

На террасе с размаху хлопнула дверь. При этом из замочной скважины выбило ключ, зазвеневший по полу, и дрогнули стеклышки в переплетах (того и гляди выпадут и разобьются) – то ли от ветра, то ли оттого, что кто-то вошел. Все прислушались. Если бы это был вошедший, тотчас донеслись бы шаги, скрип половиц и прочие звуки, выдающие его присутствие. Но было странно тихо. Поэтому решили, что ветер, хотя на всякий случай говорили вполголоса и продолжали краем уха прислушиваться.

Невольные опасения подтвердились, как всегда подтверждается то, от чего пытались отмахнуться.

– Ага, вы здесь пьянствуете! Хорошо устроились, – воскликнул если не вошедший, то вошедшая, и ею оказалась молодая особа по имени Дарья, худая, с маленьким носом, крупными губами и рыжей челкой, хотя волосы были скорее каштановые.

Все переглянулись, словно они так и думали: конечно же, никакой не ветер, а просто вернулась дочь Натальи, сама немного навеселе, во всяком случае чуть раскосые глаза поблескивали и улыбка на губах блуждала – хмельная.

– У нас отходная по даче, хотя еще неизвестно, кому она отходит. Поэтому и пьянствуем, хотя еще ничего неизвестно... – Наталья виновато взглянула на Натальи и только после этого посмотрела на дочь. – А ты где была? И почему босая? Теперь что – новая мода босиком ходить?

– Отец так учит. Я не виновата.

– Опять возле магазина сидела с этими алкашонами?

– Mamочка, дай я им что-нибудь вынесу. Им не хватило. У них душа горит.

– В буфете осталось полбутылки хереса. Можешь взять. Херес не хуже портвейна. Только сама не пей.

– А конька нет?

– И не мечтай. Коньяк я им не дам.

– Ну, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

– Не дам и все. Не для них куплено.

– Ах, так! А если я тебе кое-что скажу? – Дарья уклончиво и скромно отвела глаза, словно бы безразличная к тому, что мать ей на это ответит, и в то же время совсем не безразличная.

– Ну, что ты мне такого скажешь? – Наталья не то чтобы забеспокоилась, но, не показывая вида, слегка насторожилась. – Все, что ты можешь сказать, я тысячу раз уже слышала.

– А если я... – Дарья кашлянула, словно у нее так некстати (а на самом деле весьма кстати) запершило в горле, – выхожу замуж?

Она с жалобным видом коснулась горла, привлекая к своему кашлю большее внимание, чем к словам.

– Ты уличная девка! Кто тебя возьмет!

Дарья совсем не обиделась на девку, словно в устах матери это была лучшая похвала.

– Представь себе, берут. И даже очень охотно. Я сама удивляюсь. Наверное, за мои сисечки.

– Замолкни. Противно слушать.

– Молчу, молчу.

– И кто же этот несчастный? За кого ты выходишь? Впрочем, что я спрашиваю! Это абсурд! Сюрреализм. – Наталья подобрала бранное словечко, подходящее жене художника, который сюрреализма не признает. – Ну, что ты молчишь?

– Ты же сама мне велела. А насчет сюра... нет, наоборот, это классика. Я выхожу за Виктора Карповича Подорогу.

– Девоньки, вы слышали? – Наталье понадобились свидетели столь крамольных речей. – За этого пропойцу и забулдыгу! Да пусть меня бульдозером переедут, бензопилой распилят – не позволю.

– Подорога, мамочка, не пропойца. Он – лучший ученик отца. Можно, сказать, продолжатель и систематизатор. К тому же у него, как и у отца, дар предсказания.

– И что же он предсказал?

– Что мы с ним поженимся.

– Ой, смех! Ой, держите меня! Надо же быть такой дурой! Выходить за сорокалетнего мужика!

– И не только это. Он предсказал, что у нас родится необыкновенный ребенок, саошьянт.

– Ну что ты несешь! Ты хотя бы знаешь, кто такой саошьянт?

– Знаю, хотя могу ошибаться.

– Ну?

– Сын Заратуштры. Вернее, один из трех сыновей, которым надлежит родиться.

– Так от кого ты родишь? От Подороги или Заратуштры?

– Mamочка, ты бываешь вульгарна...

– Нет, ты мне объясни. Тебе задурили голову, а я оказываюсь вульгарной...

- Заратуштра – это мистический жених.
- Белая горячка! Типичная белая горячка! Слышал бы отец все эти бредни!
- А он слышал...
- Как он мог слышать?
- Очень просто. Мы с Виктором Карповичем говорили, а он слышал и даже кивал?
- Где и когда?
- Здесь и сейчас.
- Так он с вами? Возле магазина? Пьет портвейн?
- Пьет-то он не особо. Но он с нами, возле магазина.
- Боже мой, нам же послезавтра лететь! – воскликнула Наталия и зажала себе рот ладонью, словно от таких бессмысленных восклицаний никогда ничего не менялось.
- Не знаю. Мне он об этом не сообщал. Похоже, что он никуда не полетит. Он мне обещал, что Ефимушку навсегда отдалит и теперь все время будет со мной.
- Да пойми ты, дуреха, что отец болен. Ему надо лечиться, – напустилась на дочь Наталья.
- Чем он болен? – Заметив, что все от нее отвернулись, Дарья не знала, на кого смотреть и кого спрашивать. – Чем? Чем?
- А то ты не знаешь! У него насморк, – сказала Наталья и сама высморкалась. – Раз он здесь, с вами, позови его.
- Он сказал, что сам через минуту придет.
- Позови, я прошу! Неужели трудно позвать!
- Сейчас, сейчас. – Дарья скрылась за ситцевой занавеской, но через минуту вернулась и возвестила: – Вот он. Встречайте и аплодируйте.

XII

Хотя на лестнице из-за тусклого окна было темно, Андрей заслонился ладонью, словно из темноты попал на нестерпимо яркий – ангельский – свет. Он был одет во все дачное, старое, заношенное, обветшалое: безрукавку поверх армейской рубашки защитного цвета, брюки с отпоротыми лампасами, армейскую фуражку без кокарды и козырька. Из-под фуражки выбивался клоч седых волос. Глазницы были обведены синевой. Запавшие щеки и лоб загорели до цвета жженого сахара. На подбородке остались следы недавно сбритой бородки, не тронутые загаром.

- Приветствую славную компанию. Разрешите присоединиться?
- Поскольку на ступеньках не было места, он принес с террасы стул, но садиться не стал.
- Присоединяйся, – лишь после этого сказала Наталья, словно только теперь появилась надежда, что он ее услышит.
- Будем пить и веселиться.
- А не хочешь сначала объяснить, что все это значит? Ты всем надавал обещаний и ни одно не выполнил. – Наталья сама села на стул, словно он принес его для нее (позаботился), но забыл ей об этом сообщить.
- Каких обещаний? Родиться на свет в этом аду – это обещание я выполнил, хотя мог бы и не выполнять. Остальные же не столь важны.
- Миленькое дело! – Наталья обратила к нему лицо, стараясь, чтобы и в нем прочитывалось что-то дьявольски миленькое. – А обещания Наталии, Натали, Дарье, наконец? О себе уж и не говорю.
- Хорошо, я открою вам секрет. Вернее, Божественный План. Вы будете жить долго и счастливо. Наталия – до девяности двух лет, Натали – до восьмидесяти четырех, Дарья – до восьмидесяти, а ты как моя жена – до ста четырех. Правда, под конец жизни тебя будут возить. В роскошном лимузине.

- Каком это еще лимузине?
– Ну, в кресле для парализованных...
– Ах ты дрянь!
– А остальными предсказаниями вы довольны?
– Ты все шутишь. Никак не уймешься. А уж седой весь...
– Ну, положим, не весь. – Он спрятал выбившийся клок под фуражку. – Повторяю, довольны сроками жизни?
– Многовато. Зачем столько? Можно подсократить. – Наталья обернулась к подругам, словно надеясь, что они тоже согласны подсократить свои сроки.
– Нет уж, вы сокращайте, а лишнее можете отдать мне. Пригодится. – Наталия любезно улыбнулась, чтобы никто не сомневался в том, что сказанное соответствует истине.
– А у меня хоть все забирайте. Мне не жалко. – Натали разглядывала свои ядовито-зеленые ногти, словно они были единственным, о чем она, может быть, пожалела.
– Никаких сокращений не будет. Так положено. Не возражать. – Андрей хотел для солидности тронуть бородку, но вспомнил, что она сбрита.
– Слушаемся, товарищ генерал. Какие еще будут распоряжения? – Наталья по-военному выпрямилась и приставила ладонь к виску.
– А вот какие, любезные дамы. – Андрей сам не заметил, что все-таки тронул отсутствующую бородку. – Вы все можете здесь жить – дача отныне ваша. Располагайтесь, как вам удобно, а мне дайте одну маленькую комнату.
– Какую? – Наталья сочла, что уточнение в данном случае не будет лишним.
– Ту, которую твой дед пристроил для гостей.
– Но у нас нет такой комнаты.
– Как это нет! Есть! Он принимал там бывших однополчан – генералов, маршалов. Словом, архистратигов. И хранил именное оружие.
– Да где она? Где?
– На втором этаже. Под самой крышей. Он в ней и застрелился однажды ночью.
– Дед никогда не стал бы стреляться. Он просто умер. Во время сна.
– Нет, он застрелился.
– Андрей! – Сказанное им было настолько абсурдным, что Наталья сочла достаточным произнести его имя, чтобы тем самым возразить ему.
Но он не принимал никаких возражений.
– Застрелился из этого именного пистолета. – Он на мгновение достал из кармана и снова спрятал в него нечто, похожее на пистолет.
– Андрей, прошу тебя, дай.
Он словно не слышал.
– Дай, пожалуйста. Отдай это мне.
Он пожал плечами, словно ему нечего было давать и он не понимал, о чем его просят.
Ей стоило больших – мучительных – усилий заговорить о другом.
– Ну, хорошо. Пойдем, ты нам покажешь. Покажешь эту комнату.
– Когда наступит срок, сами ее найдете.
– И что ты будешь в ней делать?
– Я буду вести жизнь совершенного мужа. Читать Конфуция, к примеру. Или Данте.
– Кажется, я догадалась. – Наталья постаралась, чтобы все в ее лице свидетельствовало о необыкновенной догадливости (и гадливости к самой себе). – Умереть – то же самое, что перейти в другую комнату. Твои слова, мерзавец? Ты эту комнату имеешь в виду, сволочь?
– Я буду жить двести лет.
– Поздравляю. Значит, ты еще успеешь нас помучить.
– Успею, успею.

Ночью он застрелился.

Фил и Фоб

«... Разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление...»

Лермонтов, «Герой нашего времени»

Разговор становился уж очень отвлеченным, заоблачным, к тому же с каким-то инфернальным оттенком, а для дружеской вечеринки или, как сейчас говорят, корпоратива это, конечно, непозволительно. Более того, это скверно, ровным счетом никуда не годится – хоть зажимай нос, словно от дурного запаха. Но, увы, так бывает, и довольно часто: тот, кто болтал без умолку вначале, развлекал публику, сыпал остротами, шутками, каламбурами, под конец увядает. Зато молчуны получают вожделенную возможность хоть как-то заявить о себе, обозначить свое присутствие и подхватывают разговор, хотя и уводят его в непроходимые дебри, отстойники и выгребные ямы, без которых не обходятся наши привокзальные сортиры (кажется, меня повело немного не туда, вы уж меня простите).

Так получилось и на этот раз: когда за столом почти все замолкли, двое скучнейших половинок (так у нас называют плановиков, о которых все вытирают ноги) с тридцатилетним стажем стали крутить свою заунывную шарманку. Крутить и спорить о том, каких грешников будут вертеть над огнем, чтобы с них капал растопленный жир, каких варить в кипящем, измазанном сажей котле, а каких сажать на кол. Это, разумеется, вольный пересказ их беседы, ее, так сказать, общий смысл, к которому, по мнению большинства, сводятся все на свете отвлеченности: их ведь у нас очень не любят и не жалуют.

Поэтому наши милые дамы откровенно заскучали, томно зевая и напуская на лица выражение кокетливой меланхолии. Мужчины начали жадно курить, оркестранты – укладывать в футляры свои тарелки, барабаны и саркофаги... пардон, саксофоны (все-таки я сегодня изрядно набрался, хотя и обещал себе много не пить), а официанты убирать посуду и уносить бутылки, прежде всего выбирая те, на дне которых оставалась кое-какая пожива.

И лишь два наших философа упорно продолжали спорить и даже этак увлеклись, расхорохорились, ударились в азарт – словно от нетерпения поскорее попасть на вертел или на острие осинового кола.

Но их если и слушали, то недолго, и общество против них дружно восстало:

– Ну, хватит, господа. Пошадите. Давайте о чем-нибудь попроще и повеселее, а то эти ваши отвлеченности... Право же, надоело, мы устали.

Один из споривших, худой и сухощавый, благородной внешности, с бородкой лауреата Гонкуровской премии, но при этом – с йодистого цвета лицом и каким-то медицинским прибором, выпирающим из-под пиджака, обернулся на эти слова:

– Да ведь вся наша жизнь – сплошные отвлеченности. И чем она проще, тем загадочнее. Вот у меня вырезана половина желудка, я и жить-то не должен, благодаря же каким-то трубочкам, шлангам и краникам не только живу, но и философствую. Загадка!

– Полноте, любезный, – возразил ему коротко стриженный, гладко причесанный, с пивочным отливом волос крепыш, – оставьте ваши трубочки медицине. Но что загадочного, к примеру, в том, что я сижу и курю? Или в том, что у меня дочь восьми лет? Для нее я на воскресенье взял билеты в цирк – лучшие места. Она будет хрустеть вафельным стаканчиком мороженого, болтать ногами и смеяться до упаду, глядя, как клоуны в огромных ботинках гоняются друг за другом по манежу, колотят один другого невесомыми чугунными гириями и истошно вопят.

Гонкуровский лауреат возразил:

– Цирк – это, может быть, самое загадочное и отвлеченное из всего, что я знаю. Известно, что в нем происходит по ночам, когда никого нет. А уж клоуны-то с их огромными ботинками – воплощение самых утонченных абстракций. Если позволите, я вам кое-что расскажу – о нет, не историю. Истории рассказывать сейчас не умеют, а так, кое-что... анекдотец. Все-таки у нас оплачено до двенадцати, и время еще есть.

– Ну, пожалуйста, расскажите, раз уж вы столь педантичны по части времени, – смирился пиявчатый крепыш.

– По части времени – да, пожалуй, – подхватил гонкуровский лауреат. – Время сейчас прекрасное! Все отстойники прежней эпохи позолотили, выгребные ямы, – он старался не смотреть в мою сторону, – выложили мрамором – красота! Вот только немножко воняет, из-под мрамора-то потягивает, но это не беда, и мы не в претензии. Ведь Россия – это сплошная, бесконечная провинция, хоть у нее и две столицы. Поэтому у нас ко всему привыкли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.